

Марина Цветаева в письмах сестры и дочери

Вступительное слово и публикация Р. Б. Вальбе

I. Письма Анастасии Цветаевой (1943-1945)

Письма эти были написаны А. И. Цветаевой в заключении. 2 сентября 1937 г. она была арестована по делу розенкрейцеров и осуждена на 10 лет исправительно-трудовых лагерей. После многих этапов в 1943 г. она оказалась в ИТЛ близ станции Известковая Дальневосточного края.

Из “Воспоминаний” А. И. Цветаевой мы знаем, что именно в 1943 г. она узнала о гибели сестры. Почти два года, щадя ее душевные силы, подорванные непомерными тяготами допросов, тюрем и этапов, от нее скрывали страшную весть. И только в письме от 20 июля 1943 г. ее единокровная сестра Валерия Ивановна Цветаева среди малозначительных сообщений мимоходом упомянула: “Муси, автора „Волшебного фонаря”, нет в живых”.

Истории узнавания обстоятельств гибели Марины Цветаевой посвящена последняя глава “Воспоминаний” А. И. Цветаевой, но она написана почти через 20 лет после изложенных в ней событий. Письма же 1943–1945 гг. пронзают нас непосредственной, живой болью утраты.

Несколько слов об адресатах писем. Два письма (11 и 25 августа 1943 г.) обращены к сыну Анастасии Ивановны Цветаевой, Андрею Борисовичу Трухачеву. Он был арестован в тот же день, что и мать, и также в Тарусе, куда приехал с ней и со своей невестой вскоре после окончания архитектурного института. К 1942-му он отбыл уже срок заключения и работал как инженер начальником участков на Архвоенстрое.

Все остальные письма адресованы Елизавете Яковлевне Эфрон (Лиле) и ее ближайшему другу Зинаиде Митрофановне Ширкевич. О них подробнее в примечаниях. Участие Лили Эфрон в жизни Аси Цветаевой было неизменным, повседневным же оно стало тогда, когда в 1922 г., вскоре после отъезда Марины Цветаевой к мужу в эмиграцию, А. И. Цветаева перебирается в дом №18 по Мерзляковскому пер., где в соседнем доме жила Е. Я. Эфрон.

Связь эта не прервалась и после ареста Анастасии Ивановны: именно от Е. Я. Эфрон шли в тюрьму передачи, а затем в лагерь — письма и посылки. Е. Я. Эфрон и З. М. Ширкевич суждено было стать вестницами гибели Марины Цветаевой для ее сестры и дочери.

Все письма публикуются по оригиналам, хранящимся в РГАЛИ, письмо от 12/XI. 1943 — по оригиналу, находящемуся в архиве публикатора. Текст этого письма подготовлен мною к печати вместе с Е. И. Лубянской.

Письма печатаются по современной орфографии и пунктуации с сохранением значащих особенностей авторского написания.

Р. Б. Вальбе

А. Б. Трухачеву

11 августа 1943 г.

Мой дорогой Андрюша!¹ С 20 янв<аря>, когда я получила твой Арх<ангельский> адрес, я писала тебе раз 5 — но ни строки не получила. И стала думать, что тебя по этому адресу уже нет, что ты где-то в др<угом> месте. От Лили² я долго тоже ничего не имела, потом пришла открытка с вестью, в ответ на м<ои> вопросы, что, год или более назад, родные и знакомые эвакуировались, кто куда, что многие уже возвращаются (письмо было от конца февраля).

На него я ответила, прося более подробных вестей и указаний где ты — п. ч. о тебе не было ни слова. В мае пришло письмо от родственницы В<алерии>³ из Тарусы, что ни обо мне, ни о тебе давно нет вестей, что она соскучилась. Я ей ответила, прося ее писать все, что она знает обо всех. Ждала ответ на письмо это и свое письмо Лиле. 20 VII, когда я сидела в траве, за шитьем, ожидая переезда на новую работу, я получила письмо из Тарусы, где среди вестей о том, что Евг<ения> Мих<айловна>⁴ работает по специальности, что старшая дочь⁵ учится в Лит-вузе, неприятна и груба с сестрой Инночкой⁶, что Инночка, когда без нее, очень хорошая, живет у тетки (эвакуировались), хорошенькая, хоть на отца (дядю Андрея) не похожа — стояла следующая строка: “Муси (так мы звали в детстве Мар<ину>), автора „Волшебного фонаря”⁷ нет в живых.

Сын ее где-то был на Кавказе, с Союзом Писателей⁸”. Андрюша, ты понимаешь, что со мною стало. 49 лет жизни вдруг ушли из-под ног. Но я прочла, и И мое чувство было — нет, не так, не может быть. Невозможность, нелепость, чудовищность. Насмешка. Я ждала встречи с ней столько лет, так терпеливо, никогда не падая духом. Она для меня неразрывна с чувством жизни, моей, я ведь никогда, с рождения, не жила без нее на свете и этот свет без нее мне был — незнаком. Я их читала, читала — и перестала их видеть, от слез.

Я поверила — наполовину, но и этой половины — хватило. До вечера, среди людей, с <оторы>ми я за последнее время сжилась, я кое-как дожила, отправила письмо Борису П<астернаку> и Лиле, вопросы об адресах их всех в Центр<альное> справ <очное> бюро в Бугуруслан Чкаловск<ой> обл<асти>. Ночью я видела ее во сне, живую. Наутро я села на скамью, на пригорке, и написала тебе письмо.

Я просила тебя отозваться, п. ч. ты — единственный такой близкий человек, кроме М<арины>, кто мог меня теперь поддержать, душевно. В это время меня позвали, по поводу новой работы. Я подумала: зачем слать письмо, когда я еще ничего не знаю? В письме столько горя, зачем смущать человека — ведь это еще не наверняка. И я

письмо, разорвав, не повторяла. С того прошло 20 дней. За это время я написала всем писателям, кто может ответить, Лиле, Валерии, Коле Мирнонову⁹, наугад по старому адресу, и несколько открыток Георгию, сыну Марины, во все большие Кавказские города, на Союз.

Я просила его правды о матери, писала, что он меня не знает, так как видел меня 16 лет назад, 28 лет¹⁰ (сейчас ему 18S), но что он не может не знать, чем является для меня его мать, и что уверена, что он мне ответит. Сообщила ему твоё имя, отчество и фамилию, год рождения, прося, если узнает что-нибудь о тебе — сообщить. Писала, что что бы ни было, жить я буду, чтобы помогать жить тем, кто во мне нуждается — т. е. в моей жизненной помощи: тебе, ему и другим родным.

Просила адресов сестры¹¹, его и отца¹². И вот 20 дней, день за днем я жила с померкшей вокруг меня природой, как в анабиозе. Андрюша, как сиамский близнец, которого бы, операцией, оставили жить после смерти другого. Не зная ничего о тебе. Мне помогло то, что, переведенная на новую работу, к другим людям, я имела возможность ничего им не сказать о себе, п. ч. я ненавижу чужое равнодушное сострадание, содрогаюсь от него, должна была ни разу не заплакать при них (а одна я почти не бываю), и это держание себя в руках, даже физическое прятанье моего горя, заставило меня прожить эти 20 дней как на острове, в двойном состоянии: внешней застегнутости в распорядке дня моей новой работы по специальности, улучшившегося материального устройства, соотношений с людьми обо мне, т. е. о моем горе, ничего не знающих — и, редкие минуты днем наедине с собой с сразу разболевающейся от слез головой, в диком недоумении, зачем такое горе случилось, оно, которое никогда, до моей смерти, не кончится — и опять с ежеминутной необходимостью обуздать и стереть слезы.

Ночью (я спала на топчане на воздухе, как почти все лето) я глядела на звездное или мглистое немое небо, на огни, слушала гудки заводов и поездов, и думала, как жить. Мне хотелось скорее к своим — тебе, Лиле, Зое, ее детям¹³, Ирине¹⁴, к Георгию, если я ему нужна, ко всем, работа на кого и помощь кому меня крепко привязывает к жизни. Жить среди чужих, кому я нужна только частично, не всеми своими силами, на земле, где (если) нет Марины, представлялось мне почти непосильным.

И вот, Андрюша, 9-го августа я получила от Лили открытку, следующего содержания: “Асенька, родная моя! Дорогая! Это не распушенность, что не пишу Вам, а невозможность. Я замучилась, я не делаю самого необходимого, я отупела и поглупела. Ваши письма меня так волнуют, я сама себе кажусь дубиной, каждый день вырастает вопросом, как его одолеть, и, сделав часть, только часть необходимого, валюсь спать. Не спать я не могу.

Я решила писать Вам обо всех последовательно со дня их приезда. Сережа приехал больной, очень волновался о семье и были невероятные припадочки сердечные — как грудная жаба, и долго его лечили как от грудной жабы, а это было нервное.

Когда они приехали, припадочки прекратились. Жили они за городом¹⁵, очень одиноко. Марина много занималась хозяйством. Брат Али рисует карикатуры — хорошо, но страшно. Марина его обож (слово, Андрюша, недописано, и я себя терзала

догадками, не нарочно ли, чтобы не написать ни прошедшего, ни настоящего времени, но далее — в настоящем, и я оживаю. Он груб с матерью. Избалован. Это начало. Буду еще дальше писать. Целую. Лиля” (и на обороте): “От Андрея приезжал приятель, я смогла ему послать брюки и рубашку. Фотография Андрея Мар〈ине〉 очень понравилась. Я старалась передать ей его образ как можно правдивее и ярче. Целую”. У кровати, одна, на полу, головой в одеяло, я — один миг — т. к. шли, и я не хотела, чтобы видели меня в слезах, — ощутила, как с меня падает гора: и М〈арина〉, и ты — живы!

Дата письма — ровно на месяц позже, чем то из Тарусы с вестью о том, что М〈арины〉 нет в живых. Я легла в кровать и стала читать Фейхтвангера, чтобы вздохнуть, отойти, отвлечься судьбой других. А через 5 часа начались сомнения, и они до сих пор делятся: как тогда я на 5 ровно поверила горю, так теперь я сомневаюсь в дарованном счастье: м. б., Лиля собирается в следующих письмах меня подготовить, пересказом переездов или болезней М〈арины〉, к вести, той, о которой под Москву дошел слух? Господи, хоть бы одно слово четко в настоящем времени о М〈арине〉, — ни одного. Что же, буду ждать.

Я себе говорю: нет, так писать человек не может, скрывая. И — отвечаю себе: разве сообщить мне, что М〈арины〉 нет на свете — возможнее? Ответы (мне на все мои письма от всех) могут начать приходить — через неделю, примерно, с 17-го — если бы послали, Л〈илия〉 или Борис, телегр〈аммы〉 — каждый день. А пока я тебе шлю описание пережитого, и свое счастье, что ты, по-видимому, там же, — и я надеюсь, что ты найдешь возможным мне ответить хоть бы одной строкой.

Твои письма у меня, увы, ни одно не уцелело. Я сыта, одета, в чистоте. Я — инвалидка¹⁶, и, м. б., скоро получу возможность несмотря на трудности транспорта ехать куда захочу. Куда? Я не знаю. Посоветуй. Ср〈едней〉 Азии боюсь из-за сердца, тянет в родные места, севернее.

Есть адрес в деревню Ляжуны, 7 км от Архангельска. Есть адрес в Вологду, где непременно буду, адрес одной адвентистки, звавшей к себе: Б. Кирилловская, 17, м. б., на родину моего отца в село Талицы¹⁷, близ Иваново-Вознесенска.

[На полях] М. б., теперь узнаю адреса М〈арины〉 или ее близких. М. б., кто-нибудь отзовется. Писала Эренбургу, Вересаеву, Трениву. Буду ждать вестей о тебе, Тане¹⁸, Ирине. В〈алерия〉 писала, что года 4 назад Ирину мать держала за городом, из-за ее тяжелых припадков.

[На полях] Мой адрес — ДВЖД, ст. Известковая¹⁹ (но почтовый ящик другой): п/я 215/49. Получил ли мои письма зимой, какие — сколько? Сердцем всегда с тобой. Твоя А.

Примечания к письму А. Б. Трухачеву от 11 августа 1943 г.

¹ Андрей Борисович Трухачев (1912–1993) — сын А. И. Цветаевой. В 1937 г. окончил архитектурный институт, а 2 сентября того же года вместе с матерью был арестован в Тарусе. Получил 5-летний срок. Отбывал его на севере, в Карельской АССР, работая прорабом участков на Белбалт комбинате. В 1942 г. был призван в армию и направлен в Архангельский окружной военстрой, где

работал как инженер-диспетчер, проектировщик и начальник участков. А затем до 1948 г. — в поселке Печаткино, близ Вологды, также начальником участков на строительстве аэродромных и причальных сооружений.

² *Елизавета Яковлевна Эфрон* (Лиля; 1885–1976) — сестра мужа Марины Цветаевой. Дружба с Лилей у А. И. Цветаевой началась в 1911 г. с влюбленности в героиню волошинских мистификаций “испанку Кончитту”, которую изображала Лиля Эфрон (см. А. И. Цветаева, “Воспоминания”, гл. “В Коктебель”). В 1922–1937 гг. они жили в соседних домах в Мерзляковском переулке (Е. Я. Эфрон — в доме №16, а А. И. Цветаева — в доме №18). В это время Е. Эфрон — “наставница лучших наших актеров-чтецов, обучавшая их художественному чтению, режиссер, знаменитый педагог...”. (Чуковская Л. Предсмертие // Марина Цветаева в воспоминаниях современников: Возвращение на родину. М., 2002. С 186). А. И. Цветаева часто присутствовала на занятиях Е. Я. Эфрон с учениками.

Рассказывая о людях, помогавших ей после ареста (1937 г.), А. И. Цветаева в книге “Моя Сибирь”, гл. “Друзья мои”, пишет: “Лиля первая в их черед, мне славших помощь уже 13 лет!.. Она старой уже, пенсионеркой, первая из всех отважилась на столь трудную помощь тогда, отрывая последнее — крохи пенсии — мне на Дальний Восток... Она слала... самое нужное для существования... Лиля, жившая на пенсию и болея, знала то, без чего нельзя жить, в этом ежедневно нуждаясь”. Цветаева А. Моя Сибирь. М, 1998. С. 132–133.

³ *Валерия Ивановна Цветаева* (1883–1966) — дочь И. В. Цветаева от первого брака с В. Д. Иловайской.

⁴ *Евгения Михайловна Цветаева* (урожденная Пчицкая; 1895–1987) — вдова сводного брата сестер Цветаевых Андрея (1890–1933), агроном, библиограф.

⁵ *Ирина Александровна Лилеева* (1921–1983) — дочь Е. М. Цветаевой от первого брака. Впоследствии специалист по западной литературе, преподаватель.

⁶ *Инна Андреевна Цветаева* (1931–1985) — дочь А. И. Цветаева и Е. М. Цветаевой, впоследствии агроном.

⁷ 2-я книга стихов М. Цветаевой.

⁸ Валерия Ивановна не знала, что на следующий день после похорон матери (3 сентября) Георгию Сергеевичу Эфрону (1925–1944) удалось уехать на пароходе из Елабуги в Чистополь. Некоторое время он прожил у Асеева, 10 сентября был зачислен в детский дом Литфонда в Чистополе. А затем 22 сентября выехал в Москву, куда добрался 30 сентября, поселился в Мерзляковском пер. у теток, но прописаться в Москве ему не удалось, и он, “следуя официальным предписаниям”, 30 октября выехал с эшелонном Союза писателей в Ташкент, где закончил к середине июня 1943 г. 10-й класс средней школы.

⁹ *Николай Николаевич Миронов* (1893–1951) — друг юности А.И. Цветаевой.

¹⁰ А. И. Цветаева приехала в Медон к сестре 2. IX. 27, на следующий день после ее приезда маленький Георгий Эфрон заболел скарлатиной.

¹¹ *Ариадна Сергеевна Эфрон* (Аля; 1912–1975) была арестована 27. VIII. 1939 г.

¹² Находясь в заключении, А. И. Цветаева не знала, что отец Георгия, Сергей Яковлевич Эфрон (1893–1941), был арестован 10. X. 1939, а того, что он расстрелян 16. X. 1941, не знали ни его сестры, ни дочь.

¹³ *Зоя Михайловна Цветкова* (1901–1981) — близкий друг А. И. Цветаевой с 1932 г., филолог, педагог, впоследствии профессор Института иностранных языков им. М. Тореза. На даче З. М.

Цветковой в Тарусе были арестованы 2 сентября 1937 г. А. И. Цветаева и А. Б. Трухачев. Дочери З.М. Цветковой Ирина, Ольга и Нина Сергеевны Цветковы — все закончили Институт иностранных языков.

¹⁴ Возможно, речь идет о Ирине Борисовне Трухачевой (1918–1980), дочери первого мужа А. И. Цветаевой Бориса Сергеевича Трухачева и Марии Ивановны Кузнецовой-Гриновой (1895–1966).

¹⁵ Семья была поселена в Московской области на станции Болшево Северной ж-д. в поселке “Новый быт”.

¹⁶ В лагере проходили “актировки”, то есть досрочно освобождались из заключения инвалиды, и А.И. Цветаева рассчитывала, что и ее “актируют”. Однако этого не случилось. Она вышла на свободу только в 1947-м, отбыв весь срок заключения.

¹⁷ *Иван Владимирович Цветаев* (1847–1913) — специалист в области античной истории и эпиграфики, историк искусств, основатель Музея изящных искусств имени Александра III в Москве (ныне Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина), член-корреспондент Петербургской Академии наук, профессор Московского университета. Детские годы (1853–60-е) провел в с. Талицы Владимирской губернии, где священствовал его отец.

¹⁸ *Татьяна Аркадьевна Смышляева* — дочь московского адвоката, инженер по профессии, невеста А. Б. Трухачева, находилась вместе с ним в Тарусе 2 сентября 1937 г., когда он был арестован.

¹⁹ В годы войны А. Цветаева отбывала наказание на Дальнем Востоке в лагере близ станции Брусничная, в 1943 г. ее перевели на станцию Известковая, где был построен деревообрабатывающий комбинат.

Однако она работала не на комбинате, а преподавала языки, а также другие предметы восьмилетней дочери директора комбината Я. Н. Симуни, проводя целые дни в его доме, и уходила в барак только на ночь (сведения получены мною у Е. Я. Симуни). В рассказе “Лиза и Деша” А. И. Цветаева пишет: “Я за годы прижилась <...> я как будто занимала место отсутствующей бабушки”. (Цветаева А. “Непостижимые”. М., 1992. С. 50.)

Е. Я. Эфрон

[11 августа 1943 г.]

Дорогая Лиля! Я Вам послала 2 письма, Вы их, верно, уже получили? Сегодня 11 авг<уста>. Из прилагаемого письма к Андр<юше> (п. ч. не знаю его адреса, перешлите, будьте другом) Вы узнаете о пережитом мною. Не буду сейчас повторять Вам того же. Я хочу поскорее отослать письмо. 9-го вечером я получила Вашу открытку от 17—18. VII (вы поместили 18. VII (кстати, 42 г.), а на штемпеле 17. VII).

Она с меня сняла полтяжести, пол, а не всю, п. ч. нет ни одного глагола о М<карине> у Вас, написанного в настоящем времени. Я себе объясняю, что это п. ч. она из Москвы позднее уехала и п. ч. Вы пишете в виде рассказа о начале ее пребывания, но сердце неспокойно. Я жду ответов от всех, кому написала (я не знала, не уехали ли Вы на лето, и писала всем, кому могла, надеясь, что мне ответят).

Я боюсь, что Вы от меня скрываете дурные вести, п. ч. знаете, какой удар для меня было бы их получить достоверно. Но прочтите мое письмо к Андрюше. Если бы я получала от Вас и от него по 1 открытке в месяц — 5 м<инут> Вашего времени, я была бы спокойна, что знаю все. Сейчас это особенно нужно, п. ч. я — инвалидка, и могу скоро, м. б., получить разрешение ехать, куда захочу, несмотря на трудности транспорта.

Ожидая этого, я все думаю, куда мне в этом случае ехать. Мои специальности — англ<ийский> язык, сейчас очень нужный, я могла бы преподавать если не в школах (п. ч. с детьми я никогда не занималась, в классе), то с начальствующим составом, отдельные ученики или группы, этот язык теперь так нужен, а я, годы все эти его не бросая (учебники и словари), нисколько его не забыла. И — калькирование, этому я научилась тут, работая ок<оло> 2 лет, и это дело люблю.

Вообще сил у меня еще хватит — мне только надо оказаться там и с теми, кому нужна моя помощь, человеческая, денежная, физическая — п. ч. я умею жить, как белка в колесе (только с большим толком), только кружась без усталости, и мой отдых — это переход от одной работы к другой. Хозяйство я полюбила в Хабаровске¹, и стало мне страстью обслуживать кого-ниб<удь>, кто в этом нуждается.

Зарботок мой маленьким не будет, п. ч. я могу прирабатывать и увеличением фото, и рисунками для детей, всяких, отовсюду цветными карандашами и красками срисовываемых медведей, кукол, детск<их> сенок, и мне не надо оч<ень> много еды, если я могу спать 6 ч<асов> и знать, что моя работа реально помогает кому-то. С каким счастьем я бы стала помогать М<арине>, ее близким, Вам, Андрюше.

За эти годы у меня выработалась такая, ни у кого не видимая, мне все вечно дивятся, даже укоряют, жадность на результат от кажд<ого> часа, что именно это есть то, что помогало бы, затыкая чужие дыры, я же от этого — от результативности своего дня — физически расцветаю, это закон сходящихся крайностей. Вот почему — оставляя в стороне всю сердечную бездну — меня так ударила весть, что я не уберегла М<арину>, не поспела вовремя, чтобы ей облегчить жизнь.

Лиля, это неверно? Поспею? Лиля, я и сейчас ожила только частично. Я все еще живу с тайным содроганьем: — а вдруг? И все-таки, Лиля, мольба только одна: правду. Жить я буду до своего смертн<ого> часа как часовой на посту. Так что отнимете у меня радость дыханья или нет — это лично мое горе, с к<оторы>м как бы я справилась или нет, буду жить и работать, пока хожу и пока дышу.

Только это и есть оправдание жизни, Гоббса² и Карлейля³ и, если смею, моё. Лично мне, если подарена будет, снова, Мар<ина> — буду благословлять жизнь и дышать полной грудью. Если же удар грянет — я, задохнувшись, соберу себя в ком и доживу жизнь не разгибая спины, имея кровный магнит туда, где будет М<арина>. — И все-таки, как я хочу жить, с ней! Тогда мне не будет лет — нисколько.

Жду ответ. Берегите свое сердце. Пишите о всех. Ваша А.

[На полях] Лиля, я не поняла В«ашей» фразы о встрече с Мишей⁴, о чем Вы еще ждете вестей? От кого? Чья встреча? (Я встретила — Костю⁵, и писала Вам об этом. М. б., Вы не поняли?)

[На полях 1-й страницы] Грубы (особенно с матерью) в 18 «лет» — все. Это — нехарактерно (ограничен — неизбежно), чтобы быть человеком в 30 и в 70, в 18 можно быть — и чудовищным. Марина была. Потому она его обожает. Права.

ДВЖД, ст«анция» Известковая, п/я 215/49.

Примечания к письму Е. Я. Эфрон от 11 августа 1943 г.

¹ После вынесения приговора А. И. Цветаева отбыла четыре года во 2-м Хабаровске ДВК, в лагере БАМ (впоследствии Амурлаге).

² *Томас Гоббс* (1588–1679) — английский философ.

³ *Томас Карлейль (Карлайл)* (1795–1881) — английский критик, романист, философ и публицист. В книгу “Неисчерпаемое” (М., 1992) А. И. Цветаева включила очерк “Томас Карлейль в моей жизни (Как я переводила Карлейля)”.

^{4,5} Содержание этого абзаца непонятно. Можно было бы предположить, что речь идет о Михаиле Соломоновиче Фельдштейне (1884–1939), муже сестры Е. Я., Веры Яковлевны Эфрон. Он был профессором — специалистом по истории государства и права, переводчиком, ученым-библиографом. В 1938 г. он был арестован, в 1939 г. расстрелян. Его сын, Константин Михайлович Эфрон (р. 1921), в 1942 г. со второго курса биофака МГУ был мобилизован в армию. На мои вопросы К. М. отвечал, что он сам ни разу не встречался с А. И. в эти годы и о встрече отца с ней ничего не знает. Он присовокупил также, что близкие его никогда не звали “Костей” — всегда “Котом”.

Е. Я. Эфрон

25. VIII. [1943]

Моя дорогая Лиля! Вчера Вал«ерии» отослала письмо, написанное 3 недели назад (лежало), оно и Вам, отчасти. И сообщила, что получила вчера утром Вашу с Зиной¹ телеграмму². Она шла, по-моему, сутки. Спасибо за Ваше мужество и ласку ее послать. Кто знает, м«ожет» б«ыть», было бы лучше мне узнать, что М«арины» с нами нет 2 года назад. Мне трудно знать, что С«ережа» и дети не имели тогда — ни все это время, моих слов горя и близости. (П«отому» ч«то» ведь мое главное стремление, после М«арины», помочь им жить.

Если внутренне невозможно — то жизненно. Еда человеку и обслуживание человека тоже помощь, пока человек жив. Я же, думаю, буду зарабатывать больше, чем нужно одному. Не работать на других мне сейчас невозможно.

Только это может мне согревать день. П«отому» ч«то» мои увлечения языковедением и живописью уже не имеют в себе радости, и не бросать их могу только от тупоумного упорства и привычки — как самозащита.

Верно или неверно Вы поступили, скрыв М<аринину> смерть, никто этого не решит. Но это было продиктовано любовью и жалостью — и упрека Вам я не нахожу. Облегчен мне удар был тем, что я получила Вал<ерины> слова “нет в живых”, которые я, не поверив им и кинувшись проверять, все-таки 20 дней, до Вашей открытки, и 34 дня до Ваш<ей> телеграммы — качалась между жизнью и смертью.

Беря в руки телеграмму, я, д<олжно> б<ыть>, уже знала, что в ней, п<отому> ч<то> ощутила себя, закрыв глаза перед тем, как прочесть, — над пропастью. “Но ведь придется когда-ниб<удь> умереть”, я подумала и вглотнула в себя сразу всю первую строку без слов о том, что она уже умерла. Тишина и пустота такие страшные, Лиля, и все стало воздушное, как [2 слова неразборчиво]: горы, трава. Вчера была моя 1-я ночь со звездами без Марины, со звездною Мариной. Она уже 2 года там.

Без Марины наслаждаться искусством и природой, человеком, книгой мне невозможно. Каждое чувство обведено черным провалом. А к вечеру я устаю и не чувствую уже ничего, как чурбан. Я слишком любила жизнь. Этот удар должен начать мою старость. Если из искусства изъят такой мастер — значит, и оно тень теней. Я ее отсутствия в жизни, думаю, что не пойму никогда. Но роптать я не могу, и я должна принять даль между нами именно потому что эта даль — чудовищна. Это экзамен к собственной смерти, единственному заданию жизни. Я себе это говорю, я в это верю.

Но одно живое воспоминание, как Аля поднесла, весной, руку с папиросой ко рту, и в этом движении было — Маринино, меня ввергает в молчаливый рев, — громко плакать нельзя, везде люди. М<ожет> б<ыть>, жизнь даст мне отъезд, чтобы я могла очутиться возле близких? Или это сейчас было бы нежелательно? Хотят ли С<ережа> и дети, чтобы я им писала? И увидеть меня, если я смогу ехать? Ответьте: прямо и подробно, о каждом — и если можно — их адреса. М<ожет> б<ыть>, С<ереже> и детям я (сходство с М<ариной>) только тяжесть?

Мне теперь нужно все сразу за эти годы, за столько лет терпения и доверия жизни. Обманув меня, жизнь, м<ожет> б<ыть>, не откажет мне в полном подробном знании всего, всего о ней, что знают близкие. П<отому> ч<то> кто знает, свидимся ли — а ведь мне надо же жить сейчас. Возможно тесней к ней, которой уже никогда не будет. Мне нужны стихи, все что можно (о их направлении, чтобы лучше дошли, напишу особо, подготовьте их). Фотографии (те, что есть) — в двойном экземпляре.

Все, большие и маленькие. Теперь, Лиля, я от Вас и Зины жду, что вы обе вырвете у своего времени часы для писем ко мне. За все эти 3 года. Не забудьте сказать, когда она с Г<еоргием> приехала, что С<ережа>. Как здоровье их с А<лей> и был ли Г<еоргий> с М<ариной> в час катастрофы? Нет сил. Додумать. Но надо узнать. Но еще одно, именем Марины, Лиля, об Андрюше не скрывайте от меня ничего ни одного часа. Если он жив — пусть отзовется...

[На полях] Где Кот и мать и тетка с дочерьми³ и Ирина с матерью и кузиной Ниной⁴, и м<аленькой> Машенькой?

[На полях] Мне не ехать под Арх<ангель>ск в деревню? М<ожет> б<ыть>, я не смогу ехать; но если:

[На полях] где я нужней? Целую Вас и Зину, м^{ожет} б^{ыть}, я еще пригожусь вам. Ваша Ася.

Примечания к письму Е. Я. Эфрон от 25 августа 1943 г.

¹ *Зинаида Митрофановна Ширкевич* (1885–1977) — подруга Е. Я. Эфрон. С 1929 г. и до конца жизни Е. Я. они жили вместе.

² В своих “Воспоминаниях” А. Цветаева приводит текст этой телеграммы: “Марина погибла два года назад тридцать первого августа. Целуем ваше сердце. Лиля, Зина”. Цветаева А. Воспоминания. М. 2002, с. 798.

³ *Вера Яковлевна Эфрон* (1888–1945), мать К. М. Эфрона, актриса Камерного театра (1915–1917), с 1918 г. — режиссер художественной самодеятельности, с 1930 г. — работник Всесоюзной библиотеки им. Ленина. В 1942 г. была выслана из Москвы и оказалась в селе Шинширь Кировской области, в 20 км от села Мари-Биляморь Марийской АССР, где обосновались ее сестра Анна Яковлевна Трупчинская (Нютя, 1883–1971) с внуком. Анна Яковлевна была вывезена из блокадного Ленинграда с внуками Мишей Седых (р. 1934 г.) и Сашей Прусовым (1939–1941). По дороге всех троих сняли с эшелона в г. Котельнич, т. к. младший мальчик тяжело заболел и умер в местной больнице. Ее дочери Анна Александровна (1909–1982) и Елизавета Александровна (р. 1910) Трупчинские пережили первую блокадную зиму в Ленинграде и в 1942 г. были эвакуированы тоже под Уржум.

⁴ *Нина Трухачева* (род. ок. 1916) — двоюродная сестра И. Б. Трухачевой и А. Б. Трухачева, внебрачная дочь воронежского помещика Великопольского и М. С. Трухачевой (1892–1919), сестры первого мужа А. И. Цветаевой, умершей от сыпного тифа (сведения Е. И. Лубянниковой).

А. Б. Трухачеву

25. VIII. [1943]

Мой дорогой Андрюша!

Вспомнил ли ты меня 22-го в твой день рождения? Я послала тебе за неск^{олько} дней до этого письмецо на Архангельск, т. к. [неразборчиво] не знаю, как тебе писать.

Андрюша, вчера я получила от Л^{или} телеграмму, что Мар^{ина}, моя сестра, погибла 31 авг^{уста}, 2 года назад. От меня, жалея меня, это скрыли. Не понять я их не могу — понимаю. Но прошу Л^{илю} о тебе не скрывать ничего, чтобы я знала о тебе все время правду. Если можно, отзовись на это письмо.

Мар^{ина} и ты были мне самые близкие все годы твоей жизни. (Тебе, может быть, было известно, что ее уже нет с нами, 2 года назад, а мне она была жива до этого лета.) 18 лет до тв^{оего} рождения М^{арина} была со мною — одно. А последние полтора десятилетия мне не показались долги, время остановилось. Я верила, что снова с ней буду. Ждала терпеливо. Не дождалась. Не уберегла. Одна.

М. б., я смогу ехать, куда выберу. Не знаю, куда ехать — под Архангельск (в дер. Ляжуны), в Вологду (есть адрес: Кирилловская, 17) или еще куда-ниб^{удь}: к

Сереже (в Болшево), Георгию или Але? Надо ехать туда, где я нужней. Боюсь, что я их растравлю своим сходством с М^ариной». Но я хочу на них работать — чтобы им облегчить жизнь. Я всегда заработаю больше, чем мне нужно.

Ответь, где Таня, Ира с дочерью, ее мать, Нина (кузина Иры). Зоя где-то на Волге с институтом, с 3 дочерьми, муж ее в Тарусе¹. Пишу Валерии. Где Ром²? Я забыла его фамилию.

Если это письмо тебя достигнет — напиши мне, как твое здоровье, матер^иальные условия, есть ли переписка? Какая работа, получал ли от меня письма зимой и весной? Куда тебе писать и писать ли? Писать ли Зое, если получу через бюро ее адрес? Я сыта, совсем, в чистоте, с хорошими людьми, работаю по специальности. Ответь, п. ч., м. б., я и не смогу ехать, и увидимся через года.

Будь бодр, добр, силен и чист, как всегда. Твоя А.

[На полях] Ты помнишь Марину?

Пришли свою фотографию.

Примечание к письму А. Б. Трухачеву от 25 августа 1943 г.

¹ Сергей Алексеевич Цветков (1888–1964) — литературовед.

² Лицо это комментатору неизвестно.

Е. Я. Эфрон

31 октября 1943 г.

Дорогая Лиля. Высылаю перевод на триста рублей, пусть Мур¹ делает с ними, что хочет, тем более, что это так мало, и ничего существенного в его быт, его здоровью не может дать. А обеспокоена я, конечно, его здоровьем — рост ростом, а наследственность tbc² и сердца у него плохая, и раз его не взяли по здоровью — значит, дело его физичес^кой стороны — не блестяще.

Учась, он, конечно, в деньгах нуждается, и потому я буду присылать, по силе возможности, аккуратно. С Вами ли он живет — или нет?³ Получено ли мое письмо ему от 1. X и 3 открытки от 7. X (и позже)? После телеграммы, поздравившей его — с учением, Вам я 3 дня назад отослала открытку, ответ на Ваше с Зиной письмо. Перечитываю Ваше письмо: мне непонятно, что заставляло Мура в 41 г. сначала торопить мать с отъездом, а потом противиться ему?⁴

Просто мальчишеский дух противоречия? Или другое? Я думаю, что Мур за эти 2 года, такие важные в его возрасте, он теперь понимает, чего не понимал тогда. Ведь он теперь осознал то, что тогда не доходило до сознания⁵ — что М^арина была одинока, что ей не на кого было опереться.

Думаю, что он теперь бы не продал всех вещей матери⁶, а сохранил бы их — привез бы их к вам — для сестры своей Али, бывшей уже тогда в разлуке со своей матерью, и которая, м. б., берегла бы эти вещи как память о матери. Но в 16 лет, мальчику, да еще, м. б., бывшему тогда без денег (а они нужны были и на похороны⁷, и на отъезд, и на 1 время жизни), ему было легче продать их, чем идти к кому-то просить денег — с его нравом это нелегко.

То же, что (раз уже надо было, с его точки зрения, продавать) он их продал “за бесценок”, как Вы пишете, меня радует: это противоречит Ваш^{им} словам о его практицизме, и почему это не пришло в голову Вам, Лиля, я не знаю. Далее. Как же он мог в те дни думать о — цене вещи? Его цель была — уехать. Если он мог или должен был, внутренне, уехать от воспоминаний о матери, повернуться спиной к ее могиле, чтобы жить, замести в памяти след о жестоком ударе, как бы то ни было, а ею нанесенном ему (кто знает, м. б., это был бой их двух гордостей, и никто не уступил никому?) — презренен был бы тот сын, кто в такие дни стал бы думать о “цене” вещи. Маринины вещи цены не имели: самая высокая цена была ничто.

А вещь сама по себе, если эту цену Мур не ощутил тогда — я только жму ему за это руку, за Маринину в нем кровь. Вопрос же о том, как тратить деньги — не имеет на свете вообще еще никакого ответа себе, во всем разнообразии людей, толкований, обязанностей и прав. Я сама грешила (с Андрюшей) цитированием и пережевыванием прописных истин (п^котому^к что) и прописные истины все-таки истины, и есть час, когда в убогость человечес^кого^к дневного горя звучат только они: “я заработал, а он тратит” (отцы и дети, и проч^{ее} — сюда — дневники вдовы Достоевского⁸, глубоко и мне противного, когда он стоял день за днем перед ней на коленях, проигравшись, — вновь и вновь).

Но ведь есть другой час у человечес^кого^к проступка, и в этот час Дост^коевск^кий стоит во весь рост, а не на коленях, и в этот час никто из нас не знает, в чем и как виноват Мур. То, что он бросал деньги, принадлежавшие “где-то там бывшей” сестре, он, 16-ти лет, потерявший Марину, была, м. б., попытка (наверное, потерпевшая неудачу) “забыться”⁹, и так мог поступить почти любой на его месте. А м. б., даже и этого не было, а просто было неумение тратить деньги — а за это кому уж, а только не нам “обвинять” другого. Вот — написала и зачеркнула. И в Ваш^{ем} письме есть тоже такое место — карандашом написано, и им же зачеркнуто. Что Вы зачеркнули? После слов “вернувшись, он снова прекрасно одет”.

[На полях] В душе Г^кеоргия^к меня нельзя разуверить — я ее видела в его 28 года¹⁰. Она дремлет. Это — трагедия. М^карина^к не дождалась его пробуждения.

[На полях] Лиля, чьи это слова — ведь не М^карин^кы? Той жены писателя¹¹, да? “Я теряю мою личность?” Я понимаю: обе мучились тем же. Но слова эти — не М^карини^кны?¹² Дайте мне ее живые слова. И спросите Г^кеоргия^к прямо, была ли у них ссора перед М^карининой^к гибелью? Спросите его, когда и о чем они в посл^кедний^к раз говорили? Это вопрос мой.

[Под текстом вверх ногами] Как Ваше сердце, Лиля? И как здоровье Зины?

3 часа дня. Маринин цветок (маленькое дерево, > метра в диаметре — “серолист”,¹³ серебряные пятна на листьях) пронизан серебром солнца. Он разросся (мы его пересадили), полон новых листьев (Аля, Георгий?) Я знаю, что М(арина) также чувствовала бы все это, как я — умри я. Отмечала бы, что еще доставляет наслаждение — жить; и что не действует, как прежде, музыка. После писем о ней, или когда есть возможность, уединенных слез (идут сразу, как только даю волю клапану) душе как будто легче (призрачное “легче”), а груди наоборот тяжелее — точно много весит машина грудной жизни — и такая вялость в плечах и руках.

И кажется, что все еще дальше чем есть, неизмеримо и десятками тысяч верст, и хочется закрыть глаза и забыть, нет сил так страдать и поэтому что меня почти все позабыли — чем объяснить Андрюшино молчание больше чем 2S лет? Не забыл, конечно, но — может жить, не окликая меня, удовлетворяется тем, что отослал 2 длинных письма — но ведь я их не получила? Почему не отвечает на 2 (жду ответ на 3-ью) телеграммы? 1-ая отослана дней 50 назад, неужели такие командировки? Нет, должно быть, уже не умеют так тосковать, как М(арина) и я, и от этого сознания холодеешь, и все кажется сном.

А после Марины — мое такое ощущение своей ненужности — (не себя как организма, работающего и жаждущего помочь не мытьем, так катаньем, это еще — и то, Бог весть, пригодится? ли? — а ненужности себя как “психического организма” — всех своих чувств, состояний, особенностей, которым место — и то есть ли? в каком-нибудь краевом музее рядом с Архангелом в человеческий рост и сценами женщин у окна с прялками — вот такую душевную прялку наступает пора сдать в архив. Еще 3 месяца назад твердо видевшая себя на всех океанах, островах (как в детстве) и планировавшая, какие сначала изучать языки, какие — пока — отложить, я все чаще ловлю себя на том, что — “придут другие, они — все сделают”, на чувстве, что, м. б., уже кончена моя жизнь.

Прочтите мое письмо к Зине — оттуда узнаете еще одно мое горе — бессильное, о Марине — мое незнание, как она погибла, ваше непонятное молчание о том, что я первая из всех, м. б., должна была знать. Вы пишете — и я Вам благодарна — довольно подробно, о причинах (материальных) отъездов, о трудности тогдашней с уроками, о Мар(ининых) переездах и прожитых Муром вещах — Ваше письмо, старавшееся все охватить, имеет в себе много страниц — но в нем нет даже половины строки о том, как умерла Марина¹⁴, о том, что сообщила хозяйка¹⁵ пришедшему Муру. Эта ужасная отвлеченность ее смерти для меня (ввиду упорного забывания Вами, и Зиной, и Алей, что любя Марину всякую, плачу-то я о живой Марине и за гипнотизированно гляжу все в тот же ее последний час, когда она из живой стала тем, о чем сообщила Муру хозяйка) меня мучит — и я растерянно и терпеливо живу в этом пустом хаосе выдуманных представлений, — я, Маринина сестра, Ася, я не знала 2 года о смерти Марины — поэтому что Вы меня жалели. Я приняла это. Научите меня принять чудовищность Вашего забывания мне написать то, как прекратилась Маринина жизнь. Георгий — мальчик, пусть так. Но Аля? (она не могла, понимаю). Но — Зина? Вы? Одну строчку. Я ее жду — уже 68ой день — Лиля. Если неверно мое чутье о смерти Марины (сейчас скажу в чем оно), то я после В(ашего) письма меньше понимаю ее смерть, чем до письма. Материальной причины решающей быть для М(арины) не

могло, не верю (привходящая, не решающая.) (И было что продать, если в Чист«ополе» не удалось устроиться.) Далее: замяв свой порыв Вам предложить ехать вместе (материальный расчет, страх осложнить жизнь), она через месяц с неделей прекратила все счета с миром, с материальной жизнью, оставляет всех, уходит от себя. Значит, что-то должно было произойти в Елабуге, в последние недели, и скорей всего в последние дни-часы.

Это стало моей навязчивой идеей. Мур об этом или молчит, или не знает. Я — не знаю, но — чувствую. И мне кажется, что М«арина» не перенесла какого-то часа, м. б., вроде тех, что бывали у меня в пору роста Андр«ея», когда мы теряли общий язык, когда мне было порой почти невозможно пережить топившую меня горечь. Но я — мягче, и потом — я не смела никогда, ввиду моих убеждений, думать о смерти. А м. б. — и Андр«ей» был мягче.

Я писала Вам, что боялась, в 38—42 гг. 15-л«етнего» возраста Мура для Марины. Я допускала все, даже разрыв, ее гордое одиночество, даже психическое» заболевание. Я знала, что в их ссорах не уступит никто. Но я не ждала — гибели. Я даже хотела ей написать. (Но боялась ее: “что ты каркаешь?”) Мне эти дни все кажется, что не было отчаяния ухода от всего, а скорей — долг выполнить, б«ыть» м«ожет», высказанную угрозу, которую — сказав — надо было выполнить, чтобы не умереть в надменном сыне, а наоборот, ожить. Безумное, но — жертвоприношение.

[Продолжение на полях] Ведь она же обожала его. И когда ее живой голос уже не звучал ему — она шагнула туда, откуда ее имя уже зазвучит ему навсегда — ? Иначе, чем объяснить его невхождение в дом, его гневное не-прощание с матерью? Неужели только один мальчишеский страх?¹⁶ В нем ваша кровь — и наша кровь. Не могла же пьющая и бросающая деньги среда загасить такие 2 крови в такой день! Не любить Марину он не мог. Он — не чудовище. Жду Ваш ответ. Обнимаю, А.

Примечания к письму от 31 октября 1943 г.

¹ Домашнее прозвище Г. С. Эфрона.

² Отец Георгия с ранней юности страдал туберкулезом, заразившись, возможно, от старшего брата Петра, который умер в 1914 г. от туберкулеза. Процесс у Сергея Яковлевича неоднократно обострялся.

³ С помощью А. Н. Толстого Г. Эфрон получил пропуск из Ташкента в Москву. Поздней осенью 1943 г. он был зачислен на первый курс Литературного института Союза писателей в Москве. Поселился Г. Эфрон в комнатке, где жили Е. Я. Эфрон и З. М. Ширкевич.

⁴ О том, что Мур торопил мать с отъездом, комментатору неизвестно.

⁵ Хранящиеся в РГАЛИ дневники Г. Эфрона, которые он вел почти ежедневно, и сейчас для исследователей недоступны. Источником наших сведений являются письма. Так, получив одно из первых после смерти матери писем Георгия, его сестра писала Е.Я. Эфрон 21.VIII. 1942, что оно ее “огорчило... и удивило невероятной практичностью и расчетливостью, а также полнейшим отсутствием *мамы*, она как бы действительно умерла в нем!” Далее она добавляет: “Но я Мурзила знаю давно и хорошо и знаю, что никто не способен забраться в самую глубину мальчишечьей души” (цит. по кн.: Ариадна Эфрон. А душа не тонет... М., 1996. С. 19). Однако если сравнить более поздние письма и написанную им в июле 41 г. “Грустную сказку”, где он, по мнению публикатора,

идентифицирует себя и своего друга Дмитрия Сеземана с “королевичами”, которые “хором” заявляют родителям: “... ты, папаша, и ты, королева, давно уж нам надоели. Только мешаете жить и деньги тратить” (Эфрон Г. Письма. С. 6) — то станет ясна его эволюция. Так, он пишет сестре уже 7. IX. 1942: “По-прежнему главенствующее мое чувство скука и тоска по любви. И я никого не могу любить, и мне страшно недостает мамы и папы и тебя...” (там же. С. 67); 1. I. 1943: “... лишь теперь я понял, какое колоссальное положительное значение имела в моей жизни семья. Вплоть до самой смерти мамы я враждебно относился к семье, к понятию семьи. Не имея опыта жизни бессемейной, я видел лишь отрицательные стороны семейной жизни, по ним судил — и осуждал. Мне казалось, что семья тормозила мое развитие и восхождение, а на деле она была не тормозом, а двигателем. И теперь я тщетно жалею, скорблю о доме, уюте, близких и вижу, как тяжело я ошибался. Ну уж поздно” (там же. С. 101). В письме С. Д. Гуревичу 8. I. 1943, узнав о реальной угрозе мобилизации в трудовую армию, Мур сопоставляет свое положение с положением матери: “... в эти ответственные, решающие дни моей жизни я был совершенно и окончательно одинок <...>, и вокруг меня был тот же человеческий хаос, что и вокруг Марины Ивановны в месяцы отъезда из Москвы и жизни в Татарии” (там же. С. 106). В том же письме он пишет: “Я вспоминаю Марину Ивановну в дни эвакуации из Москвы, ее предсмертные дни в Татарии. Она совсем потеряла голову, совсем потеряла волю; она была одно страдание. Я тогда совсем не понимал ее и злился на нее за такое внезапное превращение... Но как я ее понимаю теперь! Теперь я могу легко проследить возникновение и развитие внутренней мотивировки каждого ее слова, каждого поступка, включая самоубийство. Она тоже не видела будущего и тяготилась настоящим, и пойми, пойми, как давило ее прошлое, как гудело оно, как говорило! Я уверен, что все последнее время существования М. И. было полно картинками и видениями этого прошлого; разлад все усиливался; она понимала, что прошлое затоптано и его не вернуть, а веры в будущее, которая облегчила бы ей жизнь и оправдала испытания и несчастья, у нее не было” (там же. С. 108).

⁶ В письме Е. Я. Эфрон от 11. IX. 1941 Г. Эфрон пишет: “В Чистополе я распродал 90% вещей М. И. — чтобы обеспечить себя какой-то суммой денег (М. И. так и писала в письме, чтобы я распродал все вещи). Итак, мне обеспечено жилье, питание, стирка, глажка и, главное, — учеба”. Там же. С. 30.

⁷ М. И. была похоронена на средства елабужского Горсовета.

⁸ Достоевская А. Г. Дневник 1867 г. М., 1993.

⁹ Г. Эфрон пишет Е. Я. Эфрон в письме от 21. VII. 1942: “Когда мне было очень тяжело здесь [в Ташкенте. — Р. В.], я начал пить. Перехватил через край, почувствовал презрение и отвращение к тому, что я мог дойти до преувеличения — и раз-навсегда отучился пить (писатели *все* пьют, но я теперь неуязвим). Но, как видите, чтобы понять ту простую истину, что пьяный противен и мерзок (применимо ко мне), мне пришлось не поверить этой истине на слово, как аксиоме, а *доказать* ее — как теорему. Зато теперь я иммунизирован”. Там же. С. 52.

¹⁰ Во время пребывания А. И. Цветаевой в Медоне в сентябре 1927 г.

¹¹ Жена поэта Георгия Александровича Санникова (1899—1969) Елена (Бэла) Аветовна Санникова (урожд. Назарбекян (Назарбек); 1891—1941) — бывшая актриса, потом переводчица. Она покончила с собой в Чистополе 25 октября 1941 г.

¹² Посетив в конце июня — июле 1943 г. Е. Я. Эфрон, ее бывшая ученица, театровед Ольга Сергеевна Дзюбинская (р. 1922) рассказала ей, что в последний приезд М. И. Цветаевой в Чистополь (25/26 августа 1941 г.) она шла с М. И. Цветаевой и Е. А. Санниковой, чуть позади них, и до нее донеслись слова: “Я все время ощущаю... потерю личности”. Но кто из собеседниц их произнес, О. Дзюбинская не разобрала — говорили тихо. Однако в опубликованных воспоминаниях О. Дзюбинской последнее обстоятельство не отмечено, как и ряд других существенных подробностей. Они были, как рассказала мне (Р. В.) О. С. Дзюбинская, удалены редактором.

¹³ О “серолисте” А. И. Цветаева пишет в воспоминаниях “О Марине, сестре моей” (Цветаева А. И. О чудесах и чудесном. М, 1991. С. 48—49).

¹⁴ 7 сентября 1943 г. Е. Я. Эфрон в ответ на просьбу А.И. сообщить, как погибла ее сестра, послала телеграмму: “Как наша мама”. А.И. Цветаева знала, что мать Сергея, Лили и Веры Эфрон Елизавета Петровна Дурново-Эфрон в 1910 г. повесилась.

¹⁵ Анастасия Ивановна Бродельщикова — хозяйка избы в Елабуге, где покончила с собой М. Цветаева.

¹⁶ В письме Е. Я. Эфрон и З. М. Ширкевич Георгий пишет с фронта 30. VI. 1944: “... мертвых я видел в первый раз в жизни: до сих пор я отказывался смотреть на покойников, включая и М. И.” (там же. С. 194). Н. П. Гордон также вспоминает: “Когда Мур вернулся в Москву, он был у меня <...> Сказал, что маму после смерти не видел, что не мог, не было сил войти в избу, где она лежала. Не помню, ходил ли он ее хоронить” (Гордон Н. Меня она покорила сразу простотой обращения. // Марина Цветаева в воспоминаниях современников: Возвращение на Родину. М., 2002. С. 16).

Е. Я. Эфрон

12. XI. [1943]¹

Дорогая Лиля. Я отослала Вам и Зине ответ на ваше общее письмо. Послала (5-го) перевод на Ваше имя Муру, 300 р<ублей>. Если не будет перемен в моей жизни, т<о> е<сть> я не буду собираться уезжать, то вышлю рублей 200 Вам, затянуть хоть маленькую дыру в дне.

Учится Мур, работает, где живет², как здоровье его? 1.Х. я отослала ему письмо, за неделю до получения его письма. На его письмо ответила 3 открытками и поздравительной, по поводу его учения, телеграммой. Получено ли это все? Я неделю назад отослала также письмо Сад<овско>му³, и 2-ое вслед, на случай, если бы 1-ое затерялось.

Я жду ваших ответов, всех вас, надеюсь, м<ожет> б<ыть>, наконец, получить ответы (на те вопросы), которые вы знаете, не можете не знать. Мое упорство повторять их разбивается о беспорядочную стихийность и вялость ваших писем. Как будто — при любой обстановке — нельзя, садясь писать (жертвуя этому на 5 м<инут> больше времени), открыть мое письмо на том месте, где я — в 15? в 20? раз эти вопросы повторяю, моля ответить на них, для Вашего удобства нумеруя их — что еще я могу сделать? В письме Вам и Зине, последнем, я заново повторила их все. Не пишите, Лиля, оптом: “я мало знаю, некого спросить” и прочее. А перечтите вопросы и ответьте на те из них, на которые Вы ответ знаете: если из 10 вопросов Вы ответите хотя бы на 5 — мне будет уже легче. Почему Вы не хотите сделать это? Ведь Вы же шли, при мне, больная, к телефону — м<ного> р<аз>. Вообразите, что я Вам звоню по телефону. Перед отупением моей муки без Марины (если Вы этой муке сочувствуете) — дайте себе труд вынуть мое письмо и набросать на открытке краткие ответы на те мои вопросы, на к<ото>рые Вы ответить можете. И — повторите открытку, вдогонку. Вот все, что я — месяцы молю, месяцы жду.

Главный вопрос — как М^арина ушла из жизни, что она сделала с собой и умерла ли она одна или хозяйка⁴ ее застала еще живой? — Что это был, яд? Морфий? Чем — я думаю, думаю. День, когда я увижу С^ережу⁵, когда я смогу узнать хоть то, что было с М^ариной до дня их разлуки, — будет большим днем помощи. М^ожет б^ыть, к тому времени я очень уже состарюсь и буду гораздо меньше похожа на благородный образ тогда еще 46-летней Марины (через 10 мес^ацев мне будет уже 50⁶), и ему будет легче видеть меня. По описанию Вашего дня вряд ли моим этим письмам есть место в нем [*исправлено на ваш^ем* дне]. Слишком тяжелая артиллерия, понимаю отлично. Но Вы так похожи на С^ережу — как мы с М^ариной⁷ — и я пишу в Вас — ему. М^ожет б^ыть, и я умру до свидания с ним, м^ожет б^ыть, этот листок достанется ему. Кто знает. Вчера, ложась спать, я все время вспоминала лицо М^арины, когда она торопилась или сердилась, звала кого-ниб^удь, нетерпеливо, оспаривала что-ниб^удь, требовала, чтобы сделали по ее. Я всегда чувствовала напряжение той муки, к^оторая двигала ею в эти минуты. В те минуты, когда уже ни сострадание к другому, ни юмор, ни взлет надо днем не мог ее отвлечь от того комка внутри, того узла, в которые стягивалось все в ней. Ей было нестерпимо, с самого детства, так много всего в дне, что это ее отличало от всех. Что ж это было? Названия я не знаю, но именно это, д^олжно б^ыть, ее привело к концу. Затянулось. Это называла хозяйка “ненормальностью” (кому, Лиля, она называла это слово? Георгию? И как же реагировал он на эти слова, — соглашаясь? нет? когда передавал Вам эти ее слова?) Мы эти минуты, эти выражения лица у М^арины видели — извне (я, более других, изнутри, — потому я была всего тише к ней в эти минуты, редко противоречила ей, жалела. За это, м^ожет б^ыть, она звала меня — кроткой?) Но она, изнутри, м^ожет б^ыть, предчувствовала, что когда-ниб^удь эти ее состояния не дадут ей больше дышать? И — сердцем, глухо, м^ожет б^ыть, и я это знала, т^о е^сть не она и не я, а тот надрыв, к^оторый был между нас, м^ожет б^ыть, знал, что нам будет разлука? Иначе отчего мы так бесконечно жалели друг^у друга? Так все чего-то, всю жизнь, недоговаривая. Но разумом — не знали. Иначе бы обе сломали несмотря на всю противоестественность этого — свой панцирь. Уезжая в 22^ом⁸, она писала об оставляемых, Сереже (черновик или обрывок письма был брошен в ее письмах, тетрадях): “Отъезд — это как ни кинь — смерть”. За 19 лет до своей смерти она, значит, со мной простилась, уже. Без конца возвращалась (я уезжала тогда, немного ранее ее — в Звенигород, с Андр^юшей) — принося то кольцо со своей руки, любимое, то — шушун (подарок Пра⁹), то бархатн^ую куртку, то еще ч^то-ниб^удь. Мне кажется, что в последний раз в Москве почему-то так вышло (примус — или телеф^он или еще что-то), что мы простились наверху, на площ^адке м^оей кв^артиры, что я не дошла с нею вниз — а что слушала, переговариваясь с ней сверху, ее шаги, и к^ак хлопнула дверь. Моя мечта, м^ожет б^ыть, тотчас мне перебивает память, я вижу себя, наоборот, сходящей с ней вниз, выходящей в весенн^ий Мерзл^яковский пер^еулок¹⁰, глядящей ей вслед. Если это не так было — я себе готова грызть руки, что я не урвала у жизни эти 4 этажа с ней. Но жизнь дала больше — через 5¹/₂ лет она мне подарила утро свидания¹¹, Марину, ведущую мне навстречу к двери (увидав нас с С^ережей) в окно) 2¹/₂ летнего Мура, и 20 дней вместе. Я тогда, рассчитывая на долгую бесконечную жизнь вместе, отказалась из дома Ал^ексея Мак^симовича ехать с ней (письма) на океан. Писала, что должна быть с ним — “разгар дружбы”. Ты же меня поймешь!” Но до этого (43) года я не могла понять, как я могла уехать от Ал^ексея Мак^симовича в тот неап^ольский день¹², когда он просил меня остаться на 1 день, вместе встретить закат со знамен^итой горы и вместе

вернуться в Сорренто при луне — я не согласилась. Вспоминая это, я годы (до этого года) стояла перед собой, как перед истуканом. Как я могла отказать ему в этой просьбе, старику, гордецу, человеку так любимому мной? И только теперь это мое твердое решение ехать к Мариине» именно в этот день, не откладывая, во мне горит теплом, как какой-то детский праздник, — я Мариину» видела ровно 1 сутки в полном порядке их очага, в радости встречи со мной: на другой» день Мур заболел скарлатиной, и болезнь, отложив океан, продлилась до дня моего отъезда назад к Алексею» Максимовичу». Я благодарна своему сердцу, которое что-то знало, которое, летя навстречу Мариине», тосковало по Алексею» Максимовичу», с которым поразительно простились на вокзале, миг не повторившийся потом, — и я писала ему в поезде тоже невозвратное, потому» что» потерялось в пути, письмо (и получил ли он его когда-нибудь», я не знаю — потому» что» через месяц, уезжая от него совсем, я дала ему случайно в то утро у меня в портмоне найденную квитанцию на это письмо). Но пусто, пусто — теперь, когда их обоих нет уже, — пусть этот мне день у Марины» стоил мне слома отношений с тем (обида моего отказа провести вместе вечер в компании самых» близких друзей он, может» быть», не простил?) — я теперь прощаю себе это, то, чего не могла простить все эти годы — и готова бы заплатить еще более дорогой ценой.

Мариине» и мне казалось, что тема нашей тоски в жизни, в которую включалось и отношение друг» к другу, — вечная смена вин друг» перед другом», ссоры, недоговоренные хорошие (или сказанные другие слова) было то, что мы все когда-нибудь» умрем, что все проходит, что жизнь есть сплошное расставание. Это — во всех разновидностях и во всех выражениях (музыка, стихи, судьбы в книгах, разлука с друзьями, безвременная смерть людей, бесплодное раскаяние и память) само по себе могло разорвать душу. И разрывало. Но смерть одной из нас — не приходила в наше сознание. Потому» что» это было бы совершенно чудовищно. И вот эта чудовищность случилась. С Мариной — перед днем решения и в день смерти, со мною — она происходит теперь.

Мариина» так нежна была к каждому из моих» друзей (с самой юности, к обоим моим мужьям¹³) и ко всякому, кто скрашивал мою жизнь. (Последний из этих людей был, должно» быть», Алексей» Максимович», она написала ему за меня благодарящее его письмо.)¹⁴ Если, умирая, она была хоть сколько-нибудь в состоянии вспомнить меня, она нанесла мне этот удар своею рукою — только потому», что» себе наносила — последний. У себя она отнимала — все. У меня отнимала — себя. Оставляя мне — мир? В утешение? Нет, утешить меня в ее отсутствии и в том, что она пережила, уходя, — мир не может. (Я это вижу, проверяю. Глаз отмечает краски дня: янтарь на снегу, лимонность над лиловой сопкой, молочность снегов под луной, но сердце молчит, не просыпаюсь, не тянусь, не радуюсь.) Но, может» быть», надо пожалеть мир, что он остался без нее, что внимание и любовь Марины» к миру неповторимы? Я шла вчера с горы, скрип валенок по морозному» снегу и провал под горой — огни поселка, мгла и луна, та самая луна, о которой Мариина» в детстве читала, в 1. раз, у Пушкина “сквозь волнистые туманы” “льет волшебный свет она”¹⁵. Я вижу, вспоминаю, что это какой-то детский крещенский сказочный вечер, что какой-то художник сейчас должен бы взять кисть. Но не я. Мне нечем сейчас выразить то, что я вижу. Надо писать не только талантом, а у меня и талант сейчас молчит. Синева вечернего неба, ослепительный

фонарь, дым труб, стук летящего поезда (изнутри его или вне его), жизнь. Какие-то будущие города, куда вечно рвались при этих звуках и красках. Да, они есть. Но я их уже не зову, потому что мне без Марины каждый город и каждый ландшафт — все то же кладбище. Я их вспоминаю еще, но это уже прощанье. Я никогда не думала, что я смогу не звать — это. Но ведь это не измена миру, это — верность Марине. Где ты Кай, там и я, Кайя¹⁶. Я знаю, что ни одна жена и ни один муж не переживали так смерть друг друга, — пусть они, молодые, даже [бурней]. Я — старая кляча. Но так — не мучились. Ведь они не вышли на свет из той же материнской утробы, они не были неразлучны все детство и всю юность. Их лица не были отпечатками той же какой-то печати, чуть сдвинутыми (шире и уже, глаза чуть темней, чуть светлей), они не шли одним шагом под гору, их голоса не путали родные. Потому я не ищу, не найду утешения ни в каких Шницлерах¹⁷, Карин Михаэлис¹⁸, ни в Гамсуне¹⁹, ни в Толстом, нигде в книгах. Я не хотела бы тронуть даже Гонкуров²⁰, из уважения к горю брата, ставшего на могиле брата — седым²¹. Но я знаю, что я и там не найду равного нашему с Мариной сходства.

Книги для меня сейчас — другое. Я, главу за главой, лежа, вечером, после работы среди густого быта женского общежития, читаю по-английски “Маугли” Киплинга — книгу по-немецки, в 1904—1905 гг. подаренную мамой Марусе, которую Маруся любила с непередаваемой тоской и нежностью, так, как только она умела любить книги — пантеру и медведя, семью волков²² она любила, может быть, даже больше, чем живых людей — как героев легенды о Лихтенштейне²³. Эти книги мне почти святы. Я иду за Мариной строка за строкой в 49 лет за ее 13-летним чтением, и мне кажется, что я ближе к ней. Я почти никогда не прошу ничего себе у людей, но я попрошу эту книгу. Если я буду жить, я достану Жан Поль²⁴ — его любила Марина (и еще мама любила тоже), и переведу хотя бы 1 том его избранных мест. Я вспомнила сейчас, что Карлейль, его переводчик на английский, пришел мне впервые в руки от Марины: провидя, что я его переведу (образцы) в 34-м, (заслужив имя 1-го его истинного переводчика от 3-х специалистов). Марина мне летом 21 года принесла по-русски Sartor Resartus²⁵, его 1. книгу, изданную в 1837, в год смерти Пушкина. Эту книгу я переведу непременно. Буду жить, если даже не смогу ничем помочь жизни наших детей, — чтобы перевести эту книгу. В эти бесплотные встречи мои с Мариной Вы бы могли внести свет и тепло: ее фотографию. Ее строки. Любые. Но вот уже 25 месяцев — ничего.

Я даже ни в одной книге не читала о такой чудовищной обманутости. Пусть это была болезнь моя так верить в то, что Марина и я будем вместе и будем очень долго жить. Я годы думала о старости с ней — какая это будет веселая, молодая, стойкая, наша старость. Я не могу признать высшим — вот это — простую, трезвую, как у всех, разлученность нашего единственного единства. Нас было две — и у нас было две тени, и я годы радовалась, глядя на свою — ее тень. Я брошена, как собака — (как человек [зачеркнуто 1 слово]), я одна треплюсь между людей со своей тенью, Маринину срезало. А она, сама, уложила себя под землю, оставив меня ходить по этой земле. Я могу жить, как человек — только тупея: в суете дня, работы, быта, ухода за кем-то — чтобы бегать, потеть, уставать, торопиться, чтобы не давать себе опомниться — в полузабытьи. Тогда, через пору усталости я полузабываю о сущности слова Марина, как забываю свое имя, откликаясь на Ивановна, на Анастасия Ивовна, на “тётя” и

“бабушка”. Но 1. миг моего сознания валится на меня, как лавина, и будь у меня своя отдельная комната, я бы ревела в ней до слабости, до одурения. — Эти письма — Вам, Лиля, Але — м<ожет> б<ыть>, мое врем<енное> спасение. В них я как бы с ней, и в то же время перо и мысль, и жажда верно себя выразить ведут меня еще по как<ому>-то осмысленному пути.

Я была живой человек — я была несколько их, живых. Сейчас я совсем холодная, жесткая, тупая. Лучшее состояние, к<ото>рое может испытывать человек на земле живущий — (редкое у меня тут вволю) — приводит меня к более светлым, очищающим слезам — но как от тяжелого взлета я опадаю потом, как тесто, покрываюсь корой, тупею, живу точно с мешком песка на голове. Год назад — на малоприятной работе (сейчас я на очень хорошей) я выходила, на закате, из общежития, где были неприятные женщины, на крыльцо и, ежась от мороза, смотрела на 1. звезду, на желтую мглу под полувечерним куполом неба. Я думала о будущем, о том, как я все — и этот вечер — донесу до М<арины>, выложу все, вытряхну к ее ногам — и легко пойду жить дальше. Она умерла, зная меня только 33-летней, а мне было 47, когда она уходила. Если мне суждено жить еще долго — она ушла, бросив меня на половине моего пути. Какое у меня может быть будущее? Чужое. Родное уже не будет, п<отому> ч<то> я ей его никогда не расскажу, не покажу. Я — беспризорна, без Марины. (И, м<ожет> б<ыть>, от этой беспризорности, которую она ощущала вдали от С<ережи>, меня, разъединенная с нами войной, она и погибла?) Я жду ответа Георгия о ее последнем разговоре с ним.

Если б жить, иметь силу так жить, как в идеале надо мне, без М<арины>, — м<ожет> б<ыть>, было бы много легче. Но я слаба, воплощена, недостойна, я дрожу как осиновый лист, когда стою под ледяным мерцающим звездным небом, куда шагнула Марина. Вместо того, чтобы стать неуязвимой к мелочам дня, быту, мешанству ссор и дразг, и глубже, чем прежде, чувствовать горе людей и сострадание — я, наоборот, стала неуязвима к чужому горю, черствее — а в дразги ввязываюсь, по-женски огрызаюсь, подаю реплики, а потом полна презрения к себе. Я не чувствую любви к людям, вот что. Я устала от них, и то, что я порой считала приобретенным терпением, — может быть, просто равнодушие (иногда), иногда — уродливость отвратительная, выработанная годами психич<еская> слабость, в соприкосновении со множеством чужих женских волей.

Мозгом и волевым сознанием я знаю, что я кругом неправа, что при силе моего горя, не вырывающегося на людях наружу, я, в моем дне, ничтожна; что, сожми я себя всю, умей я всегда молчать, не откликаюсь на тревоги дня, на мелочи, — я бы, все глубже уходя в себя, все более бы срасталась со своим горем, и, м<ожет> б<ыть>, мне — даже наверное, было бы дано во сне видеть Марину и говорить с ней, готовить себе мост к смерти. И тут опять меня берет отчаяние, что мы, м<ожет> б<ыть>, и во сне разъединены, я не знаю, как называется ее смерть на языке Ответственности, и не знаю, что делать, чтобы понять, я не знаю, служат ли причины оправданием, и не знаю причин. Мысль о том, что даже если я буду жить вполне доблестно и расти, я буду расти не в ее сторону, не к сближению с ней, — меня ввергает в полный хаос незнания и бессилия. Я далека от моих друзей, от того, кто бы помог мне (я знаю) понять и стать на ноги для верного шага в дне (я так привыкла слушаться укоряюще-ободряющего голоса). Сломать столько дурного, своевольного, недостойного мне была подана рука

помощи еще в мои молодые годы²⁶ — а теперь, под старость, я одна среди людей, которым я кажусь только чудачкой и которые не могут помочь мне. Став гораздо тише, спокойнее, выносливей, я, м<ожет> б<ыть>, не оттого стала такой, что росла, а оттого, что угасала? Возьмите хоть один пример: место, где я живу — на горе, очень красивый вид во все стороны. На эти горы я глядела, еще надеясь увидать Марину, получить опровержение брошенных о ее смерти слов в письме от не видевшего ее человека²⁷. Но эти же горы были вокруг меня в день роковой телеграммы о ее гибели. Казалось, я бы должна ненавидеть место, где прозвучала мне ее смерть? Я не ненавижу его — наоборот, буду вспоминать его с какой-то тяжелой любовью. Отчего это? Оттого ли, что я слаба и что красота местности и привычка к ней берут во мне верх над пережитым здесь? Но отчего же мне не хочется взять краски, отчего я не наслаждаюсь, как прежде, закатами и восходами солнца? М<ожет> б<ыть>, я не оттого не ненавижу место, где я узнала о смерти М<арины>, что оно связано у меня со временем, когда я ждала вести о ее жизни (когда я ходила по холмам, только улыбаясь траве, шепча ей, как другу, что скоро придет опровержение нелепого слуха, скоро снова мы будем жить полным дыханием, природа и я, скоро я докажу людям, что этот слух нелепость, что М<арина> жива — и с нею все живо?) Я не могу разобраться в себе. Роковая привычка все анализировать (о которой М<арина> в 21 г<од>у, когда я бедствовала, болела, нуждалась и боялась, что заболеваю психически, говорила: “Ася никогда не сойдет с ума — она будет анализировать свое состояние, и это спасет ее”) теперь обессиливает меня. И меня мучает еще то, что я не могу понять, как М<арина> не захотела, не искусилась мне дать знать о себе в те 2 года, что она была в Москве, когда я этого не знала? Хоть мало и отрывочно, но все же Вы, Зина, Мур пишете — и никто не написал ни одного слова ее обо мне — точно меня для нее не было. Помочь во всем этом, что касается ее при жизни, мне мог бы Сережа, которого я люблю, как брата, который мне нужен сейчас вне слов, но когда я увижу его, я не знаю, и моя невозможность помочь ему сейчас ни душевно, ни материально меня гнетет. Материально я бы могла хоть немного ему помогать, прирабатывая. Где он был до войны? [*Зачеркнуто 1,3 строки.*] М<ожет> б<ыть>, мне удастся (если я не уеду) быть денежно немного полезной вам. Я чувствую вас такими близкими, я сердцем все время с вами.

Откликнитесь — я столько надежд возложила на ваш ответ. И непременно напишите о своем материальном, о том, помогут ли вам хоть немного время от времени присылки — рублей в 200? Или это такая капля, которую стыдно послать? Как живет Мур, у Вас ли он, учится или работает? Что в его здоровье плохо — ведь при полноте бывает больное сердце. Жду Ваших слов о нем, об Але, живого рассказа о Марине — все, все, каждую мелочь. И — помнила ли она меня, ждала ли нашей встречи? Я жду ее Поэму Воздуха и Горы и рассказ о том, что она писала, что переводила. Я нужна ее детям? От Андр<ея> я д<о> с<их> п<ор> не имею ни слова — 2 его длинных письма ко мне, о к<оторы>х он писал Вам, не дошли. Его строка мне могла бы быть поворотной в моей жизни.

Доживу ли я до дня, когда получу М<аринину> фотографию? Молю судьбу сберечь вас для меня, о здоровье вам. А. Ц.

Простите за дурной почерк. Обвела самое плохо написанное. Спешу.

[На полях 1 стр.] Если мне разрешат ехать — а это может случиться — скоро — я не знаю, ехать ли мне в Арх⟨ангель⟩ск (7 км от него, в деревне, адрес.) Как адрес Веры в Уржуме? И где Уржум?

[На полях 3 стр.] М⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, Андрей взят в армию? Как узнать?

Я боюсь ехать куда-ниб⟨удь⟩ помимо под Арх⟨ангель⟩ск, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ если я не туда поеду — то опять надолго не свижусь с А⟨ндреем⟩. Его молчание меня пугает. Болит сердце, немеют руки, опухаю. Долго ли жить? Он, как я о М⟨арине⟩, думает, что я буду жива? Но и его может жизнь обмануть. Я запросила адр⟨есный⟩ стол Арх⟨ангель⟩ска и телегр⟨аммой⟩ с оплаченным ответом нач⟨альни⟩ка ОК СУ об Андр⟨ее⟩ — молчание. И куда ехать, если сразу грянет отъезд?

Примечания к письму от 12 ноября 1943 г.

¹ Впервые опублик.: На путях постижения Марины Цветаевой. IX Цветаевская международная научно-тематическая конференция (9—12 октября 2001 г.). Сборник докладов. М. 2002. С. 111—122.

² См. примеч. №3 к письму А. И. Цветаевой Е. Я. Эфрон от 31. VIII. 1943.

³ *Борис Александрович Садовский* (печатался под фамилией Садовской; 1881—1952) — поэт, прозаик, литературный критик. В 1941 г. у него в Новодевичьем монастыре (он жил в одном из подвальных помещений) бывала М. Цветаева. Уезжая в эвакуацию, она оставила у Садовских часть своего архива, библиотеку и некоторые вещи. О судьбе оставленного А. Эфрон пишет 25. VIII. 1945 г. А. И. Цветаевой: "... Все мамины вещи и вся ее библиотека, хранившаяся у Садовских, которых Вы знаете, были ими проданы после маминого отъезда из Москвы. Слава Богу, они, видимо, не успели продать рукописи. Муж, вернувшись из Куйбышева, с величайшим трудом буквально вырвал их у них. Он не мог мне сказать, все ли рукописи целы, так как не знает, что там было..." (РГАЛИ, фонд М. Цветаевой, 1190, оп. 3, ед. хр. 282).

⁴ См. примеч. № 15 к письму А.И. Цветаевой Е. Я. Эфрон от 31.X.43 г.

⁵ См. примеч. №12 к письму А. Цветаевой А. Б. Трухачеву от 11. VIII. 1943 г.

⁶ А. И. Цветаева родилась 14/27. IX. 1894г.

⁷ Это сходство сестры с братом отмечает Анастасия Ивановна в отрывке, написанном ею по моей просьбе в последние годы ее жизни. Так как этот отрывок не был опубликован, привожу его полностью: "Я полюбила Лилию, ее горячность, искренность, способность восхищаться, ее ни с чем не сравнимый смех, огромность карих глаз и природную королевственность осанки и внезапное сдвигание бровей, вспыльчивый гнев, негодование, когда что-то было грубо, пошло, неверно, не по ее стремительному духу. Она глядела на человека и испытывала его взглядом, познавала, проверяла, поглощала, ежеминутно соотносясь с его, ею наблюдаемым, чувством, с его поступком, в какой-то трепетной готовности оценить, отозваться, назвать, и себя ежемгновенно проверяя, так ли поняла, верно ли оценила — то ли произошло только что, что ей чудится, совпало ли, можно ли сейчас быть счастливой: вот этим — словом, случаем, размышлением? Счастье познания — оно и пылало в ее гневном и трепетном ожидании "чуда" от человека (и этот трепет роднил ее с Сережей. В нем он был тот же)". (Архив Р. Б. Вальбе.)

⁸ 11 мая 1922 г. М. И. Цветаева уехала к мужу в эмиграцию.

⁹ *Пра* — “Праматерь” — так называли близкие Елену Оттобальдовну Кириенко-Волошину (1850–1923) — мать М. А. Волошина, близкого друга сестер Цветаевых (см. М. Цветаева “Живое о живом” и А. Цветаева “Воспоминания”).

¹⁰ См. примеч. 2 к письму А.И. Цветаевой А.Б. Трухачеву от 11.VIII/ 43 г.

¹¹ Летом 1927 г. А. М. Горький, получив письмо А. И. Цветаевой и оценив его как голос “человека-друга”, пригласил А. И. приехать в Сорренто на виллу Сорито, где он в это время жил. Там А. И. могла прожить 2 месяца (как научный работник она имела право на такой отпуск). Марине она пообещала приехать в Париж на неделю с тем, чтобы вернуться к Горькому. Однако болезнь детей и самой Марины заставила ее задержаться у сестры на 20 дней.

¹² Перед отъездом гости Горький показывалей Неаполь (см. об этом: Цветаева А. “Воспоминания”. Поездка к Горькому. Встреча с Мариной).

¹³ Первым мужем Анастасии Ивановны был Борис Сергеевич Трухачев (1872–1919), вторым — Маврикий Александрович Минц (1886–1917).

¹⁴ М. И. Цветаева послала А.М. Горькому два письма. В начале августа 1927 г. она писала: “... благодарю за Асю. Мы с ней мало видели добра в жизни, потому что нас всю жизнь считают сильными и — <...> счастливыми. Очевидно, такие и есть”. Цветаева М. Собр. соч. т. 7. с. 194. Письмо это не дошло до адресата. 8.X.27 г. она написала, что в пропавшем письме: “... поблагодарила за Асю, за всю Вашу доброту, покрывшую всю людскую обиду”. (Там же.)

¹⁵ А. И. Цветаева неточно цитирует 3-ю строку 1-й строфы стихотворения А. С. Пушкина “Зимний вечер”. Правильно: “льет печальный свет она”.

¹⁶ Формула верности, которую произносила в Древнем Риме, вступающая в брак.

¹⁷ *Артур Шницлер* (1862–1931) — австрийский драматург и прозаик. Его пьесы с большим успехом шли в московских театрах: в 1910–1912 гг. — в Незлобинском и в Малом, а в 1916 г. “Покрывало Пьеретты” поставил Камерный театр, где до ухода на фронт играли Сергей и Вера Эфрон.

¹⁸ *Карин Михаэлис (Микаэлис)* (1872–1950) — датская писательница.

¹⁹ *Кнут Гамсун* (1859–1952) — норвежский писатель, романист и драматург. В конце XIX — начале XX в. его творчество завоевало широкую популярность в ряде стран, в том числе и в России. Не миновало это увлечение и молодых супругов Эфрон. Первым подарком Сергея Эфрона Марине после венчания был 4-й том собр. соч. Кнута Гамсуна.

²⁰ *Эдмон* (1822–1896) и *Жюль* (1830–1870) *Гонкур* де, братья — французские писатели. В соавторстве написаны шесть романов. Совместно они вели “Дневник”, который после смерти Жюля продолжал Эдмон. В письме В. Н. Буниной от 24 августа 1933 г. М. Цветаева писала: “... Гонкуры, дневник которых я люблю, как свой, вернее чувствую — *своим* (т. е. ЖИВЫМ!), а романы которых, сплошь построенные на видоизмененной правде, забываю тут же после прочтения...” М. Цветаева. Собр. соч. Т. 7. С. 247.

²¹ Ср. М. Цветаева записывает об этом в “Записных книжках” (1920): “... на похоронах младшего старший на глазах у всего Парижа поседел. (разница и физической породы, т. е. душа окончательно завладела телом. М. Цветаева. Неизданное. Записные книжки. Т. 2. М., 2001. С. 151.

²² Персонажи “Книги джунглей” и “Второй книги джунглей” английского писателя Джозефа Редьярда Киплинга (1865–1936).

²³ Исторический роман о Германии XVI в. немецкого писателя Вильгельма Гауфа (1802–1827) — одна из любимейших книг сестер Цветаевых вих детстве и отрочестве. В “Вечерний альбом” (1910) М. Цветаевой включено стихотворение “Как мы читали „Lichtenstein””. В 1911 г., перечитывая “Лихтенштейна”, она пишет 11/VIII.11 М. Волошину: “Представь себе, Макс, что я совсем не изменилась с 12-ти лет по отношению к этой книге”. М. Цветаева Собр. соч. Т. 6. С. 52. В 1926 г., отвечая на анкету, среди любимых книг, “каждая из которых дает эпоху”, называет “Гауф-Лихтенштейн (отрочество)”. Там же Т. 4. С. 622.

²⁴ *Жан-Поль*: настоящее имя Иоганн Фридрих Рихтер (1763–1825) — немецкий писатель. Весной и летом 1911 г. М. Цветаева в письмах М. А. Волошину пишет: 6. IV — “Читаю сейчас Jean Paul’a „Flegeljahre” [“Озорные годы”] — бесконечно очаровательную, грустно-насмешливую, неподдельно романтическую книгу” (VI, 44); 26. VII: “... в нем главное <...> удивительная смесь иронии и сентиментальности. К тому же он ежеминутно насмехается над читателем...” (Там же. с. 50.)

²⁵ “Sartor Resartus. Жизнь и мнения профессора Тейфельсдрека” — философский роман-памфлет Томаса Карлейля. Перевод Н. Горбова на русский язык был опубликован в 1902 г.

²⁶ Можно предположить, что А.И. Цветаева имеет в виду Бориса Михайловича Зубакина (1894–1937), человека разнообразно одаренного (поэт-импровизатор, скульптор, археолог, обладал также магнетическими способностями. С начала 20-х годов А.И. Цветаева считала его своим духовным учителем, который “вел и ведет” ее в вопросах веры и морали. Б. М. Зубакин был Магистром российских розенкрейцеров. А. И. как “посвященная средней ступени” входила в организацию розенкрейцеров и была секретарем Б. М. Зубакина. На ее адрес приходили письма, ему адресованные. Поездку к А. М. Горькому в 1927 г. А.И. Цветаева совершила вместе с Б. М. Зубакиным. 9.IX.27 г. А. М. Горький так характеризовал его: “...сей профессор археологии, епископ церкви Иоанновой, каббалист, хиромант, иерофант (“раскрывающий священные понятия”. — *Р. В.*), по натуре своей удивительно талантлив, исповедует какую-то религию, в которой совершенно отсутствует этика, свято чтит Франциска Ассизского и также Игнатия Лойолу. В общем фигура интересная, — опоздал родиться и в Калиостро не годится...” (Немровский А., Уколова В. Свет звезд, или последний русский розенкрейцер. М., 1994. С. 230). В 1937 г. А. И. Цветаева “проходила по делу розенкрейцеров” и получила срок — 10 лет ИТЛ, а Б.М. Зубакин был расстрелян.

²⁷ Валерия Ивановна Цветаева не пожелала встретиться со своей единокровной сестрой после ее возвращения в СССР. Приводим запись об этом из дневника В. И. Цветаевой:

“1939. Москва. Мне телефонный звонок. Кто-то из Эфронов:

— Вы знаете, что Марина здесь?

(Сразу охватывает что-то насильственное, трудное.)

— Хотите увидеть?

— Нет.

— Позвать к телефону?

— Лучше не надо.

С той и с другой стороны трубки телефонов положены. И сразу, с маху, кончено”.

Архив ГМИИ. Фонд 6. Тетрадь V. Л. 6.

Е. Я. Эфрон

[28 ноября 1943]

Дорогая Лиля! Отвечаю на Ваши 2 открытки от 1 ноября. Сегодня 28^е. Во 1-ых прошу Вас, Лиленька, еще раз помочь отыскать Андрюшу. Что-то опять заколдовалось между ним и мной, и я просто не знаю, что делать: с лета я послала ему ок«оло» десятка писем и открыток — по адр«есу», данному Вами (ОВСУ)¹ — молчание. На 3 телегр«аммы» — тоже. Посылала телегр«амму» начальнику его учреждения с оплач«енным» отв«етом» — молчание. Написала в адр«есный» стол Арх«ангельска», получила через 34 дня ответ с его домашн«им» адр«есом» — Арх«ангель»ск, Пр. Стал. Ударн. (проспект Сталинских Ударников, так?), д. 106, кв. 9. Послала срочную телеграмму, 7 дней назад — молчание. Адрес этот — адр«есным» столом датирован 1 ноября. В чем дело? Если бы он не хотел писать мне — он бы Вам дал понять это. Он Вам писал, что послал мне 2 дл«инных» письма (я их не получила.) Почему он не повторит их? Лиля, это теперь становится срочным делом, делом, м. б., всей моей физической жизни: через 2—3 недели (как раз к сроку получения Ваш«его» письма) я могу узнать, кратко и сразу, что мне разрешено ехать. Куда же я поеду? У меня есть адрес в 7 кил«ометрах» от Арх«ангель»ска, в деревне. Я хотела получить Андр«юшин» ответ, ехать ли мне туда, не думает ли он уехать оттуда, чтобы нам не разминуться — но, м. б., он не хочет моего приезда почему-нибудь? Мне нужен, срочно, его ответ. Если я его не получу до дня, когда я должна буду (в случае разрешения) назвать выбираемый город — я назову Арх«ангель»ск, и поеду туда. Я могла бы еще взять Вологду, там тоже у меня был адрес, или Елабугу — но ведь тогда я не увижусь с Андрюшей? А кто знает, смогу ли я оттуда до него добраться, не будет, м. б., ни сил, ни средств, ни пропуска. А долго ли я проживу — я не знаю. Все во мне смешалось, я потеряла нюх к жизни, любовь к ней; а вся моя пресловутая энергия держалась только волей к жизни, моим пактом с ней. Он нарушен, и я начинаю слабеть, болеть, рассыпаться — к вечеру еле бреду, левая рука болит (суставн«ой» или летуч«ий» ревматизм), не могу ничего поднять, болит сердце, пью салицилку, стрихнин. Год назад я училась испанскому, рисовала — до 1 ч«аса» — 3 ч«асов» ночи, ела много хуже, была на трудной работе, мерзла, сейчас я в прекрасных условиях, оч«ень» сыта, а к 8 веч«ера» — сплю на ногах. Если так пойдет постарение — все мои расчеты на работу для близких — рухнут. Обузой ни для кого я никогда не была — и не буду, и если судьба обернется так — то жизнь должна будет смилостивиться надо мной, убрать меня с пути, на к«отор»ом я не могу быть калеккой. Маринин шаг мне запрещен моим мировоззрением, я должна дождаться часа смерти. Что же меня ждет? Минутами и часами я перестаю ощущать свое всегдашнее “я” — п«отому» ч«то» оно состояло из страстного отношения к жизни (к каждому часу дня) и из непоборимой энергии. Маринина смерть убила во мне первое, а боли физические (левая» рука и сердце) гасят 2-ое — что же останется от меня? Одно имя? Но и его ведь уже нет — среди тех, с кем я живу, фамилия отца и Марины — пустой звук; любимое моими близкими мое имя уже давно не звучит вокруг меня (только изредка мелькает в письмах) — меня зовут Анаст«асия» Ив«ановна», Ивановна, тетя, старуха, мамаша, годы идут, я забываю имена и лица бессчетного потока людей; это почти все тот же тип мужчины и тип женщины, только наружность варьируется, и — возрастной вариант. До этого лета все это неслоь на волнах юмора и хроникальных мечтах; теперь, упав с этих волн, все бьется об меня своим беспощадным удельным по физике весом. — М. б., это

тот путь, который прошла Марина? В зеркале (подхожу еще реже) лицо кажется иногда чужим, без Марины тупо растет страх жизни. Меня немного отогрело письмо Мура. А Андрюша молчит. И Вы д<о> с<их> п<ор> снова молчите на вопрос, о котором я думаю напряженно, как Вы с Верой, когда умерла Ваша мама: к а к. Но Вам сообщили правду — как это было. Я, как прокаженная для своей семьи — что ли? — не получаю вот уже 4-ый месяц права узнать, чем кончила М<арина> свою жизнь — своею рукой. Мне надо число ее смерти² и ее час.

Неужели и Зина не смилостивится? Вас — я прошу, если я виновата перед Вами, — простить. Не повторю. Лиля, Борис Паст<ерна>к получил мое письмо? Если да — как же он смеет молчать? Если он жив — он обязан ответить. Передайте ему это. Я еще — жду. Дайте ему прочитать это письмо. Это — дело. Я очень много думаю о Вас, обо всех. Ответьте 1.) в какой области Союза был С<ережа>, когда от него были вести 2.) здоровье его 3.) Алино и 4.) Георгия. Мне еще надо узнать, какого возраста казалась Марина, держалась ли она физически в прежних рамках или возле нее бродила и мучила ее старость? Седина — вид — впечатление на окружающих о ней — физич<еская> утомляемость ее — сердце — курение — черн<ый> кофе. Я перешагнула через возраст всех со стор<оны> материнской: мать матери умерла в 28, мать в 37³, Марина в 48. Мне через 10 месяцев, если буду жива, минет 50 лет. Лиля, одна из причин моего невероятного психического состояния, рушащего и физическое за собой — то, что никто из вас не пожалел меня делом: не высылаете мне ни одной, самой общеизвестной строчки (сборник, оттиски, и разве не может никто переписать мне поэму Горы, и хоть отрывки поэмы Воздуха? Ни у кого из вас или из ваших знакомых нет экземпляра хотя бы изданного Госиздатом “Ц<арь> Девицы” (1922), “Верст” (или Костровских “Верст”) или книги о Блоке, или Гржеб<инск>ой “Разлуки”⁴, или даже “Волш<ебный> Фон<арь>” и “Веч<ерний> Альб<ом>”? Или, м. б., у кого-ниб<удь> растопилось сердце, послали? Так слушайте: если послали — успеет дойти. Если д<о> с<их> п<ор> не послали — не посылайте, пока я не сообщу, что остаюсь. Это выяснится, по-видимому, очень скоро, думаю что до 31 янв<аря> 43 года — наверняка выяснится. А пока у м о л я ю всеми словами, какие есть в жизни, переписать мне поэму Горы, части (если все трудно) Воздуха, и что можно из последнего. Я видела дурной сон о себе — отбрасываю его, но — мне чудовищно думать, чтобы я могла умереть, не прочтя ничего из написанного ею после моего отъезда; не узнав, что выбрала М<арина> для своего конца — какое средство — не увидев ее лица и лица Георгия. (Их фотографии, если не выслали — обождите до м<оего> извещения, что я остаюсь здесь.) Неужели я не увижу Сережу? Не солью своего горя — с его? 5.) Ответьте, знает ли он, что нет с нами Марины? Вчера мне сказали, что знакомые, тут, знали раньше меня о ее смерти, что будто бы было в газетах⁵. Если это так — 6.) сообщите, как это было сообщено, и где. Господи! Когда втроем, мы слушали, Зина, Вы, я, Кармен Меримэ, Красавиц Чехова, Медного Всадника, когда рождали, заново, Пиковую Даму, когда сливались в одно в понимании — кто бы мог допустить, что придет, через года, время, когда я буду биться, как рыба об лед, этими номерами своих, без надежд, повторяемых в письме за письмом, вопросов, моля дать мне эту самую материализацию Марининой гибели, которой владеете вы все, и что я буду получать письма — но на мои вопросы ответов получать не буду. Дайте прочесть эти строки вызывавшему меня слушать и уточнять интонацию, помогать, называть, рассеивать сомнения и колебания⁶. Пусть вы вместе вспомните, как я всегда требовала от себя полного слуха, и неукоснительной записи, честной,

строжайшего внимания, как я слушала в зале и в комнате (Пушкина, Меримэ) в страхе пропустить хоть одно что-нибудь. Только этого я прошу при чтении м<оих> писем, — нет, при ответах на них — (того, что давала сама, того, что от меня — не тщетно — ждали.) Буду ли я жива или нет, свидимся ли, — но я знаю одно: если бы я была на вашем, близкие, месте, а вы на моем, вдали — я бы не опустила в почт<овый> ящик ни одного конверта, не проверив, все ли номера вопросов отвечены? Ведь я же не для себя нумерую — для вашей большей легкости ответить. Я же не требую ни от кого того, что я бы сделала: ответить на каждую фразу, на весь этот (членораздельный) вой писем, таких, о таком, писем: — но я нумерую, щадя ваше время и силы. В ответ — из 10, 15 вопросов — отвечены 2, 3. Еще раз прошу — перечтите в последних письмах №№ моих вопросов — и возьмите в руки перо. Лиля, я все думаю о Вас. О Вас — и о себе. Я бы хотела в Вас переложить мое терпенье, мое состоянье теперешнее. Но я думаю, что Вы не та, что была я, когда жила рядом с Вами, когда, как М<арина> — об Але (я — об Андрюше) не рассказывала Вам, о нас. Я тогда не умела жалеть, не умела перевоплотиться, простить, учесть все. Я научилась, за эти 6 лет, не судить. Не требовать. Я жалею теперь, что Вам не говорила, день за днем, о переживаемом мною с Андр<юшей> тогда. М. б., Андр<юша> не так был похож на Кота⁷, как Вы думаете — а ведь Андрюшу Вы считаете себе близким. Сколько раз я — и он — изнемогали, сколько раз я хотела с ним разъехаться. Как я рада теперь, что я себя тогда пересилила. Вся видимость была против него, за меня. А теперь как я каюсь в своей суровости. Думайте иногда обо мне и о нем. Целую. Ася.

Примечания к письму от 28 ноября 1943 г.

¹ Окружное военное строительное управление.

² См. примеч. 2 к письму А.И. Цветаевой Е.Я. Эфрон от 25.VIII.43 г.

³ Бабушка сестер Цветаевых по материнской линии Мария Лукинична Мейн (урожд. Бернацкая; 1841–1869), их мать, Мария Александровна Цветаева (урожд. Мейн; 1868–1906).

⁴ А. И. Цветаева перечисляет ряд книг, изданных в 1922 г.:

Царь-Девушка, Поэма-сказка и Версты. Стихи. Обе — Государственное издательство; Версты. Стихи — 2-е изд. М.; изд-во “Костры”, а также Стихи к Блоку. М., Берлин, “Огоньки”, но ошибается относительно книги стихов Разлука: она вышла также в 1922 г., но в издательстве “Геликон” (М.; Берлин). В издательстве З. И. Гржебина (также М.; Берлин) в 1923 г. вышла книга М. Цветаевой Психея. Романтика, а также ранние книги: Вечерний альбом, М., тип. Мамонтова, 1910, и Волшебный фонарь. М., Оле Лукойе, 1912.

⁵ О смерти М. И. Цветаевой в 1941 г. в печати сообщено не было.

⁶ А. И. Цветаева имеет в виду Д. Н. Журавлева, искусством которого она была увлечена. Нередко бывала на занятиях с ним в комнате на Мерзляковском Е. Я. и слышала там чтецкие программы, которые перечислены выше. Е. Я. Эфрон всегда спрашивала слушателей об их впечатлениях от чтения — это давало им ощущение сотворчества с исполнителем.

⁷ Имеется в виду племянник Е. Я. Эфрон Константин.

Дорогие Лиля и Зина! Долгий выходной день, воскресенье. Весна. Яркие краски. Я успокаиваю себя: “ничего, будет ночь, и снова будет тихо и темно.” Я себя на этом чувстве — поймала. Я бы никогда не поверила год назад, в мою последнюю радостную весну, что я еще буду живая, а уже природа будет от моего сознания отрезана, горем, как ножом. Отдельно. Я на природу гляжу (на солнечные горы, облака) — как глядела всегда на дорогие материи и фрукты: равнодушно, не завидуя, но и не желая — они, как борзые на картине (Брюллова¹) — были для каких-то графов и князей. Мои были — “дворняги”, а из яблок и груш — не шафран и дюшес, а — коричневки и дешевые маленькие коктебельские груши. Мне были лопухи и бузина, а “курорты” были “чьи-то”, кому-то таким к^оторые на них чувствовали право — я как-то стеснялась взаправду повезти себя на курорт. Зато я пировала — с книгами, за переводами “непереводимых” (отзыв 3-х специалистов о моем (1-м за 100 лет) переводе “непереводимого” Карлейля)². И природа — реки, тучи, листва — были мои. Они бурно, от всего утешали (вспомните Коктебель! (И была еще наша с М^ариной) — Таруса.) А теперь и это стало — чье-то, не мое. Для кого-то молодого, идущего. Я — ухожу. И началось это с телеграммы о М^арине. Иногда так тяжело не любить уже и природу, что я готова просить ее, чтобы она — хоть она, только она вернулась ко мне. Пусть не будет мне ни музыки, ни стихов, ни новых умов и душ встречающих людей, — ни новых мест — с этим покончено. Но хоть бы отдышать в тишине природных голосов, плакать среди них о М^арине, не отвращаться от них, не страдать от солнечных лучей и от яркости неба. М. б., это, со временем, станет? Но ведь я теряла близких, и этого не было. Со мной происходит (и никто не виноват) невероятное, но оно неизбежно после того невероятного шага, который безвозвратно отнял у жизни Марину ее рукой. 31 авг^уста 41 г. (но я это узнала 24 авг^уста 43) умерла половина моего тела, и смолкла, задохлась половина моей души. И вот — природа, искусство — смолкает мне, а сознание личности — всего сильнее (раздробляясь, оно дробится на мои же части.) Сознание, что я испаряюсь и потухаю — это сознание живет. Счет почтов^ых дней (наравне с непочтов^ыми — мне не несущих писем.) Запах cedры, вдруг. Еще пахнет cedрой, я еще живу, а М^аринины волосы, ногти (полумамины, полумои) — под землей. И тела ее уже — нет. Будь М^арина жива — я бы смеялась над старостью, преодолевала ее, мускульно, кажд^ый час. Теперь я иду ей навстречу. Мне ничего не хочется (кроме невозможного свидания с близкими). Я от всего — сбоку. Писала Вам, что я никуда не еду. Жива ли Женя Г^ерцык и Люба³? Ни от Андр^ея ни от вас, ни А^ли, Г^еоргия писем нет. Ася.

Примечания к письму от 16 апреля 1944 г.

¹ Русский живописец Карл Брюллов (1799–1852) нередко изображал портретируемых в сопровождении борзых.

² См. примеч. 3 к письму А. И. Цветаевой Е. Я. Эфрон от 11. VIII. 1943 г.

³ Речь идет об Евгении Казимировне Лубны-Герцык (1878–1944) — сестре друга М. Цветаевой с коктебельских времен поэтессы и переводчицы Аделаиды Казимировны Лубны-Герцык (урожд. Жуковской; 1870–1925). Е. К. Лубны-Герцык в начале XX в. была известна как переводчик Ф. Ницше

и автор статей, главным образом на философско-эстетические темы. Она была другом и собеседницей Вяч. Иванова, Н. Бердяева, Л. Шестова, М. Волошина. Встречам с ними посвящены многие страницы ее “Воспоминаний”, опубликованных посмертно (наиболее полно в кн.: Герцык Е. К. Воспоминания. М., 1996). В послереволюционные годы Е. К. жила с семьей сводного брата Владимира Казимировича Герцык (1885–1976) — лесничего, в глуши лесных хозяйств Крыма, Кавказа и Курской области. В 1927 г. муж ее покойной сестры Аделаиды Дмитрий Евгеньевич Жуковский (1866–1943) был отправлен в ссылку. В 1934 г. арестован за хранение антисоветских стихов М. Волошина старший племянник Даниил Дмитриевич Жуковский (1909–1938). Он был расстрелян. В годы войны Е. К., ее сводный брат Владимир Казимирович Герцык и его жена, прикованная к постели Любовь Александровна (урожд. Жуковская; 1888–1943), оказались в зоне немецкой оккупации.

Е. Я. Эфрон

21. IV. [1944]

Милая Лиля! Спасибо за Вашу открытку от 5. IV, после перерыва во много недель, месяца 2S, я думаю. Как я жалею, что в Вашей открытке так мало строк... Где муж Али?¹ Если Вы знаете его адрес — прошу Вас, напишите ему, запросите ее адрес. Я писала уже и начальнику ее прежней работы², жду ответа от чужого человека, с тоской. Мне Алин адрес нужен как лекарство. Ее письмо мне от 1. X. 43 г.³, полное “безумной радости”, как она писала мне, о том, что я жива, и горя о М<арине>, выражаемого теми же словами, что я, — было мне впрыскиванием живительного какого-то эликсира, ее почерк, похожий на М<ари>нин, ее слог, все мне драгоценно. Молчание Г<еоргия> 3 мес<яца> я могу объяснить небрежностью⁴ или еще чем-ниб<удь>, он же меня не знает, и м<ои> письма могли ему не прийтись по душе (т. е. 2, к<отор>ые я получила от него, однако, были не лишены сердечности). Но Аля нашла те слова и те чувства, к<отор>ые меня бросили к мысли, что я ей буду нужна. А это, в моей нестихающей тоске, уже очень много. Я писала и телегр<афиров>ала Вам, что я никуда не смогу ехать, — остаюсь по-старому, здесь⁵. На телегр<афный> зов Андр<ея> ответила печальным увы. Ваша непосильная усталость⁶ мне большой удар в сердце — как я хотела жить близко, помогать Ваш<ему> дню. Кто знает, м. б., и доживем до такого дня. Пока буду стараться направлять хоть каплю в море — в этом мес<яце>, это было с осени в 5-й раз. Но очень прошу, сообщая мне, что мое стремление не пропало, — не конкретизировать, не благодарить иначе как — просто “на Вашу помощь, полученную недавно, отвечаю Вам”, иначе на меня могут рассердиться за количество (родные, что помогаю не только им, больше Вам, меньше им, или вообще что-ниб<удь> в этом роде). Все эти родственные и неродств<енные> подробности можно ведь понять только при встрече. Бедную, милую Зину жалею всей душой. Как заживает ее намучившийся отрубл<енным> кусочком — палец?⁷<...>

Сообщил ли Г<еоргий> свой адрес? Почему не пишете мне о нем теперь, когда это легче без него? 1) Любил он мать внутренне? Только внешне грубил ей? 2) Она ему все прощала или не все? Этот ответ мне бы осветил ее последние дни, м. б., и 3) И почему не ответили, в к<отор>ом часу умерла М<арина>? 4) читала ли она м<ои> письма к Вам? Я столько раз спрашивала! И хоть 1 живое ее слово обо мне. А то я начинаю думать, что Вы что-то скрываете о ней (ко мне) 5) Она — любила меня? Ваша Ася.

«Сбоку:» 6) Описание пути к могиле М^арины», на кладбище! 7) адрес ее (писатели знают же!) там. На эти 7 вопросов — жду, Лиленька, ответа. 8) Бор^{ис} Сад^{ковской} — жив?

Примечания к письму от 21 апреля 1944 г.

¹ Речь идет о Самуиле Давыдовиче Гуревиче (Муле, 1903–1952), журналисте и переводчике.

² Т. е. лагеря.

³ Ее письмо от 1. X. 1943 будет опубликовано в журнале «Нева» №3 за 2003 г.

⁴ 26 февраля 1944 г. Георгий был призван в армию.

⁵ Надежды А. И. Цветаевой на досрочное освобождение не оправдались.

⁶ Елизавета Яковлевна с предвоенных времен была практически лежачей больной. Занятия она вела дома, полулежа. В 1943–44 гг. она занималась с артистами-чтецами Московской филармонии, с любителями Дома ученых, с начала 1944 г. преподавала художественное слово в студии Ю.А. Завадского при театре им. Моссовета, давала и частные уроки. Работала она с утра до позднего вечера. Кроме творческой одержимости, были и причины материальные: ей необходимы были средства, чтобы посылать продукты и вещи близким в лагеря — племяннице Ариадне Эфрон и А. И. Цветаевой; в ссылку — сестре Вере Яковлевне и родственникам Зинаиды Митрофановны, а также эвакуированной из блокадного Ленинграда старшей сестре А. Я. Трупчинской с внуком, помогала она и осиротевшему Георгию. Посылки в Москве не принимали, и поэтому Зинаиде Митрофановне приходилось добираться пригородным поездом до Мытищ, а потом еще минут 40 на автобусе. У Зинаиды Митрофановны в результате перенесенного костного туберкулеза была сильно укорочена нога, и она ходила, опираясь на палку. Тем не менее три раза в месяц она совершала эти путешествия с 16 килограммами на спине. Не случайно уже к концу 1943 г. у нее началось обострение туберкулезного процесса.

⁷ В 1942–1944 гг. дом плохо отапливался, поэтому в восьмиметровой комнате Е. Я. Эфрон стояла железная печка. З. М., рубя дрова для топки, отрубила себе кончик пальца.

Е. Я. Эфрон

23. IV. [1944]

Дорогая Лиля! Это письмо я прошу знакомую, едущую в Москву отсюда на новую работу, опустить, чтобы Вы узнали, что с нею я послала Вам с просьбой переслать ценной посылочкой Андрюше — небольшой сверток, включающий несколько книг, папку с рисунками и портретами (его 5 карточек, увеличенных), 400 гр. сах^{ара}, шерстяные носки, лекарство от малярии (зеленые таблетки), карандаши, альбом бел^{ой} бумаги, кусочек душистого мыла, трусы, 2 мешочка (мал^{еньки}х) с табаком и проч^{ие} мелочи, числом около его возраста, как делала в дни рожд^{ения} в его детстве. Я очень понимаю, как Вам трудно взять на себя лишнее дело в Ваших перегруженных днях, при плохом здоровье Вашем и Зины — и все таки я надеюсь, что Вы поймете, как для меня важно, чтобы этот подарок мой дошел до Андрюши, это такой редкий случай, чтобы он мог доехать в верных руках до самой Москвы, — от нас же посылок не принимают. За все годы я ни разу еще не смогла этого сделать, и прошу

Вас, Лиленька, послать ее ценной, п. ч. я себя лишила всех его увеличеных портретов, и натюрмортов, ездивших со мной много лет, а также любимых книг, из которых — “Дьявол”¹ — настолько в духе его отца, Бориса, что я буду ждать его отзыва с нетерпением. Лиленька, Вам с Зиной с той же оказией шлю около 5 кило сахара песку, и с неделю назад уехавшая в Комсомольск моя бывшая (зимой) ученица обещала выслать телеграфом по Вашему адресу 250 р. Меня ни за сахар, ни за эти или будущие деньги не благодарите, а просто сообщайте, что на днях получили подарок — и все. Так мне удобней. Я просила знакомую (она очень милая, умная, много сделавшая мне добра, кандидат в партию, очень хороший врач) зайти к Вам, чтобы увидеть Вас лично, и попросила нескольких писателей через Вас сообщить мне все, что они знают о Марине, ее Елабужской квартире, жизни там, могиле (как ее отыскать, — путь по кладбищу), от Вас же жду коротенького, хотя бы, письма с ответами о 1) часе смерти Марины 2) внутреннем отношении к ней сына, 3) читала ли Марина мои письма к Вам, 4) были ли причины ее несообщения мне о приезде чисто — внешние или (неужели?) — внутренние? м. б., кто-то ее восстановил против меня? 5) вспоминала ли она меня хорошо хоть когда-нибудь, какие-нибудь ее слова обо мне, если были, 6) всё ли прощала Марина сыну — или не все? 7) как она отвечала на его грубости, была ли трагедия в их отношениях? Мне это поможет понять лучше ее смерть, о которой я думаю день и ночь (сегодня опять она мне снилась, писала мне крупное письмо, и был ее рисунок домов и синего неба, а 3 дня снилось, что я еду с нею на океан). Моя необходимость увидеть Сережу такова, что я боюсь вторичного удара от жизни — м. б., только он мог бы что-то такое сделать с моей тоской по ней, я не знаю что, но он для меня кроме себя еще — подобие Марины, он так же тесно был с ней связан, как я. Только он и я помним так ее юность. И только он смог бы мне дать ее последние годы и месяцы (с ним) — чтоб, все вдохнув в себя, нести ее в себе до моего часа.

Лиля, ведь с ним — то же будет, что со мной, когда он узнает. Как я боюсь этого часа ему. Только я, м. б., смогла бы смягчить ему жизнь без нее. Мы были так близки философски-душевно в нашу последнюю встречу, он не мог измениться так, чтобы не понять моего горя о таком конце жизни Марины, и мне нужны его слова о сыне, вместе с ним простить ему его 2 последних года с матерью, и, м. б., его ухода от нее в тот день. Неужели жизнь не даст мне свидание с Сергеем? Я сейчас сижу, в халате, оперлась о руку — и так, совсем изнутри, ощутила себя — Мариной. Чудовищно жить мне, без нее. Половина меня умерла вместе с ней. И какое испытание, Лиля, жить вдали от тех, кого любишь, и не уметь любить тех людей, которые вокруг, и всегда быть с ними! <...>

Ваша Ася. Лиленька, каждый день прошу Вам и Зине — здоровья.

Примечание к письму от 23 апреля 1944 г.

¹ Возможно, А. И. Цветаева посылает сыну рассказ Л. Н. Толстого “Дьявол”, но не исключена возможность, что это одноименный рассказ Ги де Мопассана или исторический роман А. Неймана.

Без даты¹

[Справа на полях] — Вместо фотографии — моя тень на стене². Зарисовала потому, что напомнила мне Марину.

На обороте: Лиленька, если б Вы знали мое одиночество — Вы бы, знаю, мне чаще и больше писали; хоть те же открытки — по одной в неделю, это 10 м^кинут — по неск^колько строк о С^кереже и М^карине, их отношениях с сыном и дочерью (о том, какие дружбы были у М^карины) (описательно), как она выглядела, была ли бодра физически. Зная теперь Мура, Вы не думаете что она умерла после ссоры с ним? Андрюше не шлите этот силуэт — я такой послала. Лучше Георгию, если пишете ему.

Примечания к письму без даты

¹ Приблизительная датировка возможна благодаря письму А.С. Эфрон А.И. Цветаевой от 22.XII.44, где она пишет: "... тот мамин Ваш силуэт из апрельского письма — единственное изображение Вас и мамы... и то тень". Письмо публикуется в "Неве", 2003, №4.

² Этот силуэт нарисован на маленьком (в 1/3 почтовой открытки) куске плотной бумаги. РГАЛИ, фонд М.И. Цветаевой.

Е. Я. Эфрон и З. М. Ширкевич

26. VI. [1944]

Дорогая Лиля, дорогая Зина! Жду ваших срочных телеграмм, обещанных писем. Муру по новому адресу (и Але) написала. От Андрея 2 нед^кели назад (и 2 месяца назад) были хорошие ободряющие письма, нежные. Как я жалею, что М^карина не знала его. Что Мур его не знает <...>

Билась над фотографией М^карины — над увеличением, получилось хорошо, а затем захотелось лучше — и получилось скорее не она, а я — надо биться еще. Карточка М^карины мне дала много радости, совсем словами не называемой, и горького отдыха, когда гляжу в ее лицо. Следующее, что прошу вас — мне прислать еще другую — не в профиль, и если есть — без повязки, с волосами. И еще карточку Мура — чтобы сравнить и понять лучше. Лицо холодное, но в глазах есть грусть. До смерти или после смерти матери он снят? Не забудьте ответить. После М^кариной карточки всего более сходства о себе М^карина оставила — не в сыне, а во мне. Подходя к зеркалу, вижу ее. И тень моя каждый миг показывает мне Марину — еще более, чем зеркало иногда, п. ч. тень выше меня — как Марина. Постоянно идя, отводя пряди волос, или взмахом головы, привычно их кидая со лба, как с детства делали общим движеньем М^карина и я, — ощущаю себя не Асей — и не Мариной, а тем чем-то родовым, цв^кетаевским, что осталось еще только во мне теперь, от мамы, Марины, от мам^киной матери, умершей в 28 л^кет, о к^которой не раз писала и в стих^ках, и в хронике Марина. Мне трудно, без Марины, быть Асей. Жить в том мире, где я была счастлива и сильна с нею, — без нее стариться, болеть, до своего часа. Как невероятно жестоко поступила со мной жизнь. Я знаю, что несчетное количество людей потеряли, за войну, близких. Что горе густо. Что страдания многих — неоплатны, как пишет Илья Эренбург. Но, м. б., мне было бы легче, умри М^карина от болезни или к^какой-н^кибудь катастрофы (как думала с дня вашей телегр^каммы до 1-й открытки после телегр^каммы).

Это — одно мое горе. Другое — корни другого в том редчайшем психо-физическом сходстве, к^которое было у Гонкуров, у сиамских близнецов и у нас. Часто, идя, потухшая, еле поднимая себя надо днем (и нередко тону в нем), я не думаю

ни о чем, тупо иду есть или спать, или по делу — и вдруг (кто-то окликнул или встретила человека) в 1 интонации своей, в чем-то неуловимом, но совсем достоверном, я узнаю Марину. Горькая мысль о ком-то или чем-то, в момент пролетающего привычного негодования о чем-то (в ответ на любезность — мою) — фамильярность, или глупую шутку, или пошлость — сразу, ненужно и зря, атавистически вспыхиваю Мариной и мамой — откуда это приходит, в мое оступелое горе, эта полугримаса-полу-не знаю как назвать этот их подавляющий вздох, что-то у век и в губах, Маринино, рождающееся ранее, чем я успею себя проконтролировать — это, мамино, д«олжно» б«ыть», но мне в Марине памятнее — борьба застенчивости и высокомерия, поочередно (все длится, и у нее длилось — один миг), вытесняющих друг друга — пока все не потухает, и иду, потрясенная жизнью Марины во мне, внутренне еще более разительно схожей, чем внешнее сходство в зеркале. Вот этого горя нет у многих потерявших своих близких — об этом своем одиночестве пишу вам. Ем — и сразу, мускулами лица чувствую жующие челюсти Марины, вижу ее улыбающиеся, молодые, лукавые глаза. Пахнет ромашкой — это Таруса, Марина и я маленькие. Полынью — Коктебель, Марина, Кончитта¹, Макс, Пра, Карадаг. Трава — к«отор»ую любила 49 лет, уже не то, чем была, п. ч. выросла вместе с травой на Мар«ининой» могиле, уже 3-е лето после М«арины» — Лиля, Зина: у меня умерли два мужа, мать, отец, ребенок, близкие друзья. Я с отрочества до зрелости теряла и теряла, хоронила одного за другим. Я знаю, что переживают сейчас те, которые потеряли на войне родных. Я еле вынесла смерти Алешки и Мавр«икия» Ал«ександровича»², Бори³ — но я вынесла. Маринину смерть — не подняла: я перестала жить душевно. Живет тело, привычка жить, долг жить, — но мир мне совершенно другой теперь, без радости жить. И жить день за днем, делая что-то для стольких чужих, зная твердо, что ничего уже для М«арины» не сделаю — не накормлю, не развлеку, не подарю ничего, — ничего ей (и от меня) не надо, из всего, чем я могла (и не смогла, не скрасила) скрасить ее день с 39–41 гг. Эти ее годы, принадлежавшие именно мне (так жданные) именно мимо меня прошли — беспощадным возмездьем судьбы за все, что было несправедного, непростительного в моей жизни. Я понимаю — и не ропщу. Но я не смогла после М«арины» — остаться той, к«оторую» она знала. Всё это может понять собой только С«ережа». Я его жду. Если жизнь отнимет и его — умирать станет еще легче. Не умиранье легко — оно трудно. Но расставаться с жизнью стало гораздо легче, т. е. — уже отмирание началось. Мне скоро 50 лет. Моя родная Марина! Она умерла 48-ми еще. Она чтит старость других. Своею — брезговала.

Ночь, надо ложиться. Мои дорогие Лиля и Зина, пишите мне!

А.

Примечание к письму от 26 июня 1944 г.

¹ См. примеч. 2 к письму А. И. Цветаевой А. Б. Трухачеву от 11. VIII. 1943.

² Младшего сына А. И. Цветаевой, Алешу Минца (1916–1917), и его отца, второго мужа А. И. Цветаевой, Маврикия Александровича Минца (1886–1917).

³ Речь идет о первом муже А. И. Цветаевой, Борисе Сергеевиче Трухачеве (1893–1919).

Е. Я. Эфрон и З. М. Ширкевич

[11 мая 1945 г.]

Дорогая Лиля, дорогая Зина! Вчера, 10го мая, послала Вам открытку с поздравлением с днем Победы. Алю спрашиваю, были ли письма от Мура¹ — и жду ее и вашего ответа с замершим сердцем. Послала о нем по его «полевой» «почте» 3 запроса и 2 запроса в Москву, Наркомат обороны, Главное Управление Учета личных потерь Красной Армии — сообщив возраст, где и когда был призван, номер «полевой» «почты» и адрес довоенный родных (ваш.) Будем ждать милости судьбы. Столько чудес в наше время — будем и мы ждать чуда. Живы оказываются даже многие, о гибели которых были известия — будем надеяться. Лилия и Зина — если молитва Марины оставила его нам — он будет с нами. Но если вы, читая это, знаете больше, чем я, если вы имели о нем весть — не скройте от меня ничего, я прошу — мне надо знать правду. После его (3го ко мне) письма от 18/V я более писем от него не получала — он собирался на фронт, писал, что снотворная работа писаря ему не по душе, хотя он мог бы остаться на ней, но он собирается вместе с другими выступить маршем на фронт. Он утешал меня, что мне не удалось ехать, как я зимой надеялась, писал, что путь тяжел, и, одна, я бы где-нибудь застряла, заболела. Писал, что был на лесозаготовках в Рязанской области (недолго)², что там начал 1. главу книги о Малларме, что задумал антологию 25-ти французских авторов 1918—1939 гг.; о прекрасной прозе Малларме, которую мало знают, о том, что по-настоящему о ней ничего не написано³. О своих любимых Лермонтове, Э. По (жалел, что Аля не любит их), Чехове и Валери⁴. (Напишите мне (узнайте у Бориса Пастернака, если не знаете его) о Маллармэ, я совсем не знаю.) Очень прошу. О том, что списал себе понравившиеся стихи Мережковского «Пустая Чаша», «Осень» (пишет по памяти. — А. Ц.), «Парки» (кажется — «Одиночество») и другие. «Читаю их в самых разнообразных обстоятельствах жизни, и это мне помогает жить»⁵. Благодарил меня за «сердечные и открытые» письма, писал, что он почти ни от кого не получает писем, что видимая, в Москве бывшая связь со знакомыми, естественно, порвалась, что «редко-редко кто балует меня весточкой». «Одиночество же, увы, роскошь не по средствам».

Я это письмо (с разорванной пополам страничкой, карандашное) берегу и молю бога, чтобы, если он ранен, болен, мне бы дала судьба ходить за ним, скрасить ему, заботой и уходом, верной любовью, его много испытывавшую молодость. Дорогие мои, будьте друзьями — спишите мне его письма (или часть их) (все) (по одной выписке в каждом письме или открытке) — читать их будет мне радостью. А у меня мало радостей в жизни с Мариной смертью — и вы совсем (обе) перестали отвечать мне на мои письма. Отчего? Болели? Мне это очень горько. После зимнего Зинино письма со строками «Марины» «Писала я на аспидной доске» — больше ничего не было. Аля — редко — но все же довольно аккуратно пишет — чаще не может. Ее письма греют меня. Светлая весточка о Победе приближает час нашей встречи, но на много ли ранее меня думает она быть с родными, я никак не могу добиться⁶. <...> Меня еще беспокоит здоровье Валерии — здорова ли она? Может быть, вы напишете ей в городок⁷ — адрес: Дачная ул., д. 7, и ее ответ, здорова ли она, сообщите мне — она меня просила подождать ответом на ее последнее письмо, обещая сообщить новый адрес — и с тех пор молчание. Может быть, она еще на старом, но заболела? Узнайте, пожалуйста, — от

себя (может быть, она на меня обиделась, — вы от себя) и ответьте мне. Итак, 1-ое поручение — выписки из Мур<иных> писем, 2) здоровье Вал<ерии>, 3) ответьте: живы ли Валерия Дм<итриевна> и ее дочери⁸, и Женя Г., и ее племянники, и Вероника⁹ — (Вы их помните? кажется, Вы их знали?) и в Коктебеле ли жена М<акса>¹⁰ или ее моск<овский> адрес. Мне Мар<ия> Ив<ановна> писала, что она не покинула дом в самые грозные дни — и что дом уцелел, чуть ли не один в поселке, береговом.) 4 (Есть ли вести от Кота? 5) И может быть, хоть в честь Победы вы (Зиночка! на трамвае туда и назад, два часа времени, для меня!) — съездите в Новодевичий к Бор<ису> Александровичу записать мне его рассказ о Марине! Он стар, болен, я не утешусь, что недостаточно просила вас съездить к нему за его рассказом о Марине и Муре, если он уйдет к Марине, не оставив мне своих умных и добрых слов о ней. Спросите о М<арине> и жену его¹¹, она добрая и много страдавшая женщина, она найдет и чувства, и слова.

Я — старею, должно быть, очень, потому что больше всего люблю час перед сном, когда выхожу во двор, все черно, огни поселка, темный пейзаж пригорков, не содрогаюсь уже от черноты и холода, как бывало, не рвусь в дом к людям, как в молодости, — наоборот, сливаюсь душевным состоянием с этой черной гравюрой, — только освещенной, как я, светом отдаленных огней (мне — встреч с близкими.) Мне эта гравюра ближе, естественно, родно в ней дышится, это, верно, идет мерная (скоро уже 2 года, мне, со смерти Марины) подготовка к прощанию с жизнью, когда-то столько лет такому ужасавшему, а теперь, от усталости, одинокости, оторванности от всех близких, от атрофии душевной — все более и более спокойно (иногда даже влекущему) принимаемому, как эта ночь над холмами.

Над Мариной — тоже холм. Читая (диктуя девочке) из учебника о старом воробье, кинувшемся с дерева под ноги, к пасти собаки, было схватившей птенца, о том, как “все его маленькое тело содрогалось от ужаса, голосок охрип, одичал, но он заслонил собой свое детище и раза два прыгнул по направлению к раскрытой пасти”¹² — я диктую (девочка, обратно мне, смеется) — еле слышу слова от чувств, думаю: этот миг уже перенесла Марина — и пасть смерти, не смогшей ее пощадить, над ней — сомкнулась. Со смертью человека, когда-то бывшего мне самым близким, долго (1917—1920 гг.), прошло (я его в последний раз видела тогда же, когда Марину) — прошло 17 лет¹³. Я помню его, чту, иногда на миг пронзает память, и это было явью, — ежедневно вспоминаю его утром и вечером, но он стал уже — преданием, сном. С дня прощания моего в парадной — Мед<оне> с Мариной — 17S лет, а ее я не “вспоминаю” “часто” — а просто не дышу без нее в дне, и ее образ — не “образ”, а живой человек, дышащий во мне несокрушимо, не бледнея, а может быть, наоборот. Ее портреты, ее строки, каждое маленькое сообщение о ней.

Эти ночи Победы, когда радио гремело всю ночь напролет, когда что-то дионисийское, священное в счастье людей, захватывающее и меня жаждой мира и гордостью за народ — я слушаю всё, что рушит на нас музыка, все, с детства ведомые мелодии, думаю: услышь в тот час М<арина> серебряный крик детского скорбно-нежного голоса Эдит Утесовой¹⁴ — она бы не осталась? Я знаю, что она, как и я теперь, все еще любила — деревья, пни, песок под ногами, песни.

И то думаю: как же она — ведь она бы могла идти сейчас со мной по тропинке, слышать этот хор, крик детей у школы, видеть лиловые горы, слышать, как пахнет олифой, землей — как же она под землей? И — там? А то — прожив часы и часы (годы и годы) среди чужих, дико устав от человеческих судеб, рассказов, бесед, равнодушия — думаю: ведь ей было еще трудней (я всегда была слабей и терпеливей) — вот и нет ее тут, — ясно.

Но мы еще увидимся? Пишите! Еле верится, и все-таки верится — во встречу. Обнимаю вас обеих — и всех.

Ваша Ася.

Примечание к письму от 11 мая 1945 г.

¹ В письме от 25. VIII. 1945 А. С. Эфрон пишет А. И. Цветаевой, что последнее полученное ею письмо от Георгия было датировано 17. VI. 1944, а С. Д. Гуревич получил от него последнее письмо в августе 1944 г. Однако сведения Гуревича ошибочны. “Г. Эфрон, — как записано в книге учета личного состава, — убыл по ранению 06. 07. 44. 183 медсанбат, обслуживавший 154 дивизию (в которой служил Г. Эфрон. — *Р. В.*), в июле—августе 1944 г. не имел возможности вести учет раненых, потому сведения о Г. Э. на этом обрываются” (цит. комментарий к кн. “Георгий Эфрон. Письма”. Калининград Моск. обл, 1995. С. 223).

² В письме сестре от 17. VI. 1944 Георгий пишет: “Три месяца я пробыл в запасном полку под Москвой, причем ездил в Рязанскую обл. на лесозаготовки” (Там же. С. 192).

³ В письмах из армии Г. Эфрон постоянно возвращается к мыслям о творчестве французского поэта *Стефана Малларме* (1842–1898). Так, в письме Е. Я. Эфрон и З. М. Ширкевич 18. III. 1944 он пишет: “... продолжаю „впитывание” стихов и прозы Маллармэ; и те, и другая совершенно замечательны; о стихах это известно, но прозы никто, по-моему, толком не знает и не читал по-настоящему серьезно. Небывалая проза...” (Там же. С. 174). В конце апреля 1944 г. Георгий сообщает тем же адресатам: “Я написал вступление к исследованию о Маллармэ, я все глубже его понимаю и знаю наизусть чуть ли не все его творчество; я задумал написать работу о современной французской литературе, основываясь на произведениях 25 писателей, и эссе о трех поэтах” (Там же. С. 182). 13. IV. 44 г. он пишет им же: “когда-нибудь я буду первый специалист по Маллармэ, напишу о нем книгу, и это не мечты, потому что именно это является для меня реальной действительностью, тем миром, где я буду занимать первое место” (Там же. С. 180).

⁴ Французский поэт и эссеист *Поль Валери* (1871–1945) также постоянный спутник Г. Эфрона. В письме к сестре из Ташкента от 7. V. 1943 Георгий пишет: “Нет ни одного писателя, которого я бы так любил и уважал, как его. Он и первый поэт, и первый критик и эссеист, и первый знаток искусства, и тонкий политик” (Там же. С. 142). В марте 1943 г. еще в Ташкенте Георгий начал переводить на русский язык книгу П. Валери “Взгляды на Современный Мир”.

⁵ Стихотворения, написанные в самом конце XIX века известным русским писателем *Дмитрием Сергеевичем Мережковским* (1866–1941), объединенные мотивами опустошенности, безнадежного одиночества и разочарования в том, чем жили “отцы” — “слепой отваги потух огонь, и кубок пуст”.

⁶ Срок заключения А. С. Эфрон истекал в конце лета 1947 г., А. И. Цветаева должна была освободиться в сентябре того же года. Трудно сказать, что внушало А. С. Эфрон надежды на досрочное освобождение: хлопоты С. Д. Гуревича, обещанные за хорошую работу зачеты или вероятность послевоенной амнистии.

⁷ Валерия Ивановна Цветаева с ранней весны до поздней осени жила в своем доме в Тарусе.

⁸ *Валерия Дмитриевна Жуковская* (урожд. Богданович; 1860–1937) — певица. Мать Василисы Александровны Серейской (урожден. Жуковской; 1891–1959), вместе с которой Сергей Эфрон служил в санитарном поезде, и Любови Александровны Герцык (1888–1944), см. примеч. 3 к письму А. И. Цветаевой от 16. IV. 1944 г. В. Д. Жуковская и ее младшая дочь жили в том же подъезде дома №16 по Мерзляковскому переулку, что и Е. Я. Эфрон.

⁹ О Е. К. Герцык и ее старшем племяннике Д. Д. Жуковском см. примеч. 3 к письму А. И. Цветаевой Е. Я. Эфрон от 16. IV. 1944 г. Младший племянник, Никита Дмитриевич Жуковский (1913–1995) — врач. Дочь брата Е. К. и А. К. Герцык, Вероника Владимировна Герцык (1916–1976), — почвовед.

¹⁰ *Мария Степановна Волошина* (урожд. Заболоцкая, 1887–1976) — вдова друга сестер Цветаевых, поэта Максимилиана Александровича Волошина.

¹¹ *Надежда Ивановна Садовская* (1886–1942) — третья жена Б. А. Садовского, к этому времени ее уже не было в живых.

¹² А. И. Цветаева имеет в виду стихотворение в прозе И. С. Тургенева “Воробей”.

¹³ Речь идет о Валентине Иосифовне Зелинской (Паныч, Валёк; 1894–1928) — дочери владельца имения Бузалак или Бусалак вблизи Старого Крыма, художнице. В этом имении А. И. Цветаева с сыном прожила три года. Впоследствии В. И. Зелинская эмигрировала. Приехав в 1927 г. в Париж, А. И. Цветаева с ней встретилась.

¹⁴ *Эдит Леонидовна Утесова* (1914–1981) — эстрадная певица, солистка Теа-джаза, руководимого ее отцом, знаменитым эстрадным артистом Леонидом Осиповичем Утесовым (1895–1982).

Е. Я. Эфрон

28 июля 1945 г.

Простите, дорогая Лиля, что пишу Вам на таком мятом листке, постараюсь писать яснее, каждый листок на счету. Лиленька, дорогой, золотой друг, на которую упало такое горе, — все думаю о Вас. С Зининой вестью о смерти милой, дорогой Веры¹ — так неожиданно, так жестоко. Вдали от Кота, после пережитого за него — и среди чужих людей. Простите, что растрavляю Вашу боль, не могу писать иначе, чем чувствую, — чувствую заодно с Вами, не могу утешиться за нее. И за Кота. И за вас с Нютей, и за Сережу, который должен будет в какой-то день принять и Маринину гибель, и утрату Веры.

Я помню вас с Верой, как и Вы меня с Мариной, с июня 11 г., и всею собой чувствую, какой это Вам удар. Господи, хоть бы Нютя была с Вами — все же легче бы было, а то она где-то там одна (с дочерьми? где?) и Вы без нее, а в такие поры, как Ваша сейчас, я знаю, что ни Зина, ни Дима, ни я — никто так помочь не мог бы, как — кровный, близкий, без слов помнящий все об умершем, как помнили бы Нютя или Сережа, будь они с Вами. Знает ли Кот? Что с его ногами²? Где его отец³? Ответьте — подробнее.

Не знаю, застанет ли Вас это письмо в Москве, или Вы сейчас на даче, и потому — когда Вы его получите. Дошли ли моя телеграмма о Вере и 2 открытки, вслед? В них я просила Вас, Лиленька, из-за горя о Вере не забывать, что еще есть у Вас — мы и что мы дрожим над Вашим здоровьем и Вашей жизнью — чтобы Вы именно в эти дни горя, Вас подкашивающие, твердо и живо помнили, что мы в Вас нуждаемся, что Вы не должны давать себе рушиться в это горе во вред своей жизни — пусть Вам не покажутся грубыми мои слова, я их пишу с полной памятью, о Марине и Вере, пишу их собой — потому что сразу после вести о Марине бросилась к письму Андриюше, и Але, и Вам, и Сереже — и я знаю, что так бы сделали и М«арина», и Вера — уходящий еще более спланивает оставшихся, и иначе не может и не должно быть — а “оставшиеся” — ведь и нуждаются больше всего в том, чтобы Вы были живы — значит, смерть близкого кладет на нас долг еще зорче и тверже жить для живых близких. И я боюсь, что Вы — рушитесь в горе во вред своей жизни, и я умоляю Вас удержат и удерживать — главным образом не давать себе много плакать, от этого бесплодно слабеешь, и головная боль — убивает.

Старые люди вообще не велели много плакать по умершим — мудрые старые люди. Я в эти 2 года иногда это вспоминала, мне в письме кто-то напомнил, что это вредно не только для меня, и для нее — помните это и Вы. И напишите мне хоть открытку (повторите ее, одну вслед другой) — а то я буду томиться о Вас, я так давно (месяцев 8?) не видела ни одной Вашей строки — да и от Зины несколько месяцев ничего не было, до вести о Вере. Где скончалась Вера? В Уржуме? Вот еще один дорогой город... Я так живо вижу Веру, много ярче других, ее глаза и улыбку, и как она что-то говорит, шутливое, входя к Вам с холоду, и это что-то общее Ваше, Нютино, ее, что наверное было — мамино, у рта и глаз, и что совсем не менялось — с годами. Когда Вера писала Вам в последний раз?

На этих днях я получила анкету из НКО⁴, и ответ, как и Вам, что меры к розыску сведений о Муре — приняты. Жду его судьбу с замершим сердцем и знаю, что испытаю — счастье — если он жив. Хоть в час вести этой мир на миг весь преобразится — потому что буду знать, что Марина мне поручает его и Алю. И знаю, что Вера — хоть и краешком мне поручила Кота, я его любила мальчиком, — и как (Аля писала мне) Марина говорила Але: “В Лиле воплощена вся радость нашей семьи” — так и мне казалось, что в Коте жива та основная, сияющая глазами и сердцем, душа, которая и есть душа Эфронов. Очень меня утешают Алины — увы, не все доходят, верно, — письма. Андриюша пишет редко, но добро и мужественно, и если мне жизнь готовит встречу с ним — солнце его проглянет. А пока на душе — тяжело, телом слабею — головные боли и слабость, надежды на жизнь то живут, то гаснут — и я очень недовольна собой — полосами почти — уныние, и сухость сердца ко всему, что не-близкие. Нежно обнимаю Вас с Зиной. Довезли ли Вам весной подарочек — натюрморт, книгу, портрет М«арины» (для Али) и Мура (Вам) — и меня (для Андр«ея»?)

Отзовитесь. Любящая Вас Ася.

Примечание к письму от 28 июля 1945 г.

¹ Вера Яковлевна Эфрон (см. примеч. 3 к письму А. И. Цветаевой Е. Я. Эфрон 25. VIII. 1943 г.) умерла на вербной неделе от крупозного воспаления легких в деревне Шинширь Кировской обл., в

одиночестве. Ее сестра, Анна Яковлевна Трупчинская, и племянницы Елизавета и Анна, находившиеся в 20 км от нее в деревне Мари-Биляморь, не знали о ее болезни. Им сообщили только о похоронах поздним вечером накануне. Была распутица, и они, с трудом перебравшись через разлив, повстречали по дороге на кладбище телегу с гробом.

² Сын В. Я. Эфрон, Константин Михайлович, раненный в обе ноги, находился в это время в госпитале в г. Львове.

³ Михаил Соломонович Фельдштейн был расстрелян в 1939 г., но близкие об этом не знали.

⁴ Наркомат обороны.

Окончание следует